

Шлемазл

Шлемазл – по одной из версий: от *schlimm*, что в переводе с немецкого означает плохой, неудачный; и от ивритского «мазл», или, на идише, мазаль, – счастье, удача. Шлемазл – человек, которому хронически не везет.

Человеческая жизнь длинна, и мы успеваем пересмотреть свое отношение к разным людям.

М. Шнеерсон

Глава 1

Надо сказать, что, когда родился Эдик, никаких мужчин в семье не было и в помине.

Над семьей витал своеобразный рок – в ней рождались исключительно девочки, а мужчины, так называемые отцы, практически не задерживались.

Стоял конец сентября – промозглая сырость, желтые листья... Осень для Вильнюса в тот год была необычайно ранней.

Забирать новорожденного и маму Зинку пришла только бабушка Фаина. Она немного припоздала и встретила дочь на ступенях роддома.

– Давай его сюда! – грозно прикрикнула Фаина.

Забрав сверток из старенького одеяла, она откинула треугольник ажурного конверта и с тревожным любопытством взглянула вовнутрь, после чего радостно улыбнулась.

– Он таки шлемазл.

Фаине, стареющей и совсем не молодящейся женщине, давно миновало пятьдесят лет. Любая подруга-злопыхательница могла бы сказать, что Фаина тянет на все шестьдесят, но так как она ни с кем близко не общалась, расстраивать ее было некому.

Зинку Фаина родила случайно.

Вильнюсская швейная фабрика, где она тогда работала, шила пестрые дешевые платьица для всего Советского Союза. Фаина твердой рукой вставляла детали кроя в «оверлок» и стойко терпела подавляющий шум сорока швейных машин, расположенных в одном помещении. А куда деваться? Высшего образования она не получила, сама росла в семье матери-одиночки и большую часть маминой пенсии и своей зарплаты тратила на лекарства для родительницы-сердечницы, пока та была жива.

К тридцати двум годам Фаина смирилась с тем, что помрет в девках.

И тут приключился не то очень смешной, не то совсем невеселый случай.

На фабрике всегда широко отмечали праздники. Чего ж не отметить, если за счет профкома? А уж спраздновать Новый год все бабоньки старались так, чтобы не было мучительно больно первого января вспоминать оставленную закуску и недопитую водку.

Выпили в цехе от души, и главный технолог Борис Иванович, единственный мужчина на производстве, по пьяной лавочке вспомнил, что имеется неокученная им машинистка-мотористка – Фаина. Девушка, конечно, не первой свежести и с лица не Мэрилин Монро, но нужно оправдать звание самого сексуального мужчины фабрики, собрать свое мужское мужество в кулак и осчастливить бедную Фаинку.

Прямо на тюках новой ткани, еще пахнущих машинным маслом, излил он свою сперму в лоно Фаины – передовика швейного производства.

Больше всего главного технолога удивил тот факт, что швея-мотористка шестого разряда в тридцать с гаком лет была девственницей. Удовольствия от совершенного акта он не получил никакого и даже стало жаль помятую новую ткань, запачканную кровью.

После праздника мелкие угрызения совести терзали Бориса Ивановича недолго и закончились констатацией факта: «Не зря ее называют чокнутой. Если до тридцатника никому не была нужна, значит, и мне без надобности».

Эта мысль полностью освободила его от дальнейшей ответственности, и больше о Фаине он ни разу не вспомнил. Через полгода технолог собрал вещи и уехал в Москву, как потом говорили, «пошел на повышение». Фаина его никогда больше не видела.

Зинка, зачатая в ночь на 1 января 1953 года, родилась здоровой и жизнерадостной.

Всю свою ненависть к мужчинам мама Фаина вложила в воспитание дочери.

В послевоенное время мужчины в стране повсеместно оказались в дефиците, поэтому Зинка росла исключительно среди женщин.

Родственников-мужчин у них не имелось, на фабрике у Фаины работали только девушки или разведенки, а с друзьями не сложилось. Наверное, поэтому уже в двенадцать лет Зинка начала проявлять интерес к мальчикам. Она сама поцеловала одноклассника Женьку, когда тот открыл перед нею тяжелую дверь в школу. Не то чтобы он ей нравился, но очень захотелось пережить запретное ощущение. Ей понравилось.

А потом понеслось-поехало. В восьмом классе, в четырнадцать лет, Зинка узнала, что такое близость с мужчиной. Мужчиной оказался парень на год ее старше. Повезло, что он учился в другой школе, к тому же был литовцем и не отличался особой болтливостью. О том, чтобы не «залететь», думал именно он. Зинка настолько увлекалась «процессом любви», что не сразу приходила в себя после яркого окончания.

Жили Зинка с Фаиной в старом районе Вильнюса в убогой и неухоженной квартире.

Выбитое стекло на кухне заменили фанерой, и не только потому, что денег катастрофически не хватало – так было проще. От женщин не требовалось никаких усилий – ни стекло покупать, ни стекольщика искать, ни за работу ему платить.

На кухне стояла семейная реликвия – эмалированная полукруглая ванна на бронзовых ножках, оставшаяся от богатых литовцев, у которых когда-то была шикарная восьмикомнатная квартира. С приходом советской власти одну квартиру поделили на пять квартиршек, и в самой неказистой из них, однокомнатной, оказалась эта самая ванна.

Фаина принесла с работы, вернее утащила, кусок прорезиненной темно-синей ткани и завесила угол в кухне, отделив ванную. Это был первый и последний опыт улучшения их жилища.

Глава 2

Вся жизнь семьи, как и у большинства людей того времени, протекала на кухне, среди старой мебели, шкафов, забитых пакетами с крупами и множеством пыльных банок – пустых или с консервированными огурцами-помидорами. Телевизора у них не было до семидесятых годов, и Зинка скучала, старалась не сидеть дома, все чаще болталась по улице.

Фаина много работала, стояла в очередях за продуктами, перешивала старые платья, готовила на скорую руку. Из-за хронической занятости она проглядела, что дочь

забеременела.

После пневмонии Зинка пошла в районную поликлинику продлевать школьную справку. Отсидела огромную очередь к терапевту среди бабок и старичков, с ужасом прислушиваясь к рассказам об их болезнях, названия и симптомы которых они произносили с особым удовольствием. После узнала от терапевта о новых болезнях, которые еще ждут ее саму. Терапевту, пожилой женщине, пухленькую, аппетитную Зинку было не жалко, и она назначила ей кучу антибиотиков и послала ее на флюорографию.

Рентгеновский кабинет освещался тусклой красной лампой. Стоя между какими-то агрегатами, сдавившими ее так, что дышать было почти невозможно, Зинка честно пыталась выполнять приказы, которые отдавал полнеющий мужчина лет сорока – высокий, с усами, в очках с золоченой оправой, с крепкими руками.

– Дыши, девушка-красавица, не дыши...

Рентгенолога звали Моня. Стоматологи, рентгенологи и гинекологи чаще всего были и есть евреи. Профессии не самые приятные, зато полезные, и твердая копейка всегда в кармане.

Моня сконцентрировал свое внимание на обнаженной Зинкиной груди с розовыми сосками и возбудился так, как у него не случалось лет пять... А все остальное произошло молниеносно. За рентгеновским аппаратом последовала простая кушетка. Зинка не сопротивлялась – это ей нравилось намного больше, чем быть зажатой между частями бездушной рентгенотехники.

Моня был женат, у него росло трое детей. Он работал на две ставки, целыми днями не выходил из поликлиники, чтобы прокормить семью, но при этом оставался бабником. В поликлинике романов не заводил, опасался, а с пациентками – случалось, баловался.

Отдышавшись после секса, Моня застегнул штаны, запахнул белый халат и сел на кушетку, рядом с Зинкой.

– Нравится тебе это дело.

– Нравится, – весело подтвердила Зинка.

– И давно ты... не девочка?

– Скоро три года. – Зинка надела трусики, поправила подол теплого платья и гольфы.
– Я этот день как праздник отмечаю.

Похлопав себя по карманам, Моня достал портмоне и вынул двадцать пять рублей.

– Держи, куртку себе хорошую купишь.

– Спасибо, – улыбнулась Зинка.

Когда она выходила из кабинета – молоденькая, кудрявая, с ангельским румянцем на щеках, Моня подумал, что нужно было спросить девчонку, как она предохраняется. Но в кабинет ввалился подвыпивший парень, которого привезли прямо с работы, со стройки, со сломанной рукой, и Моня отвлекся на пациента.

Зинка рассказала матери, что беременна уже на пятом месяце. Аборт делать поздно.

– От кого залетела? – попыталась выяснить Фаина.

– От рентгенолога, – неуверенно ответила Зинка и опустила глаза.

– А может, от того, от литовца длинного?

– Нет. – Голос дочки стал увереннее. – С ним я еще в прошлом году рассталась. После него у меня еще были... – Зинка ловко достала из трехлитровой банки малосольный огурец и смачно захрустела им, сверкая ровными зубами.

– От мужчин в жизни только грязь и дети, – в очередной раз печально изрекла Фаина.
– От ведь дурная ты у меня, не понимаешь, что нас теперь ждет. Но шо я нам с тобой скажу? Моня – это малое имя от Шимон. У нашего ребенка не будет отчества Шимоновна. Пусть будет, как и у тебя – Борисовна.

– А если будет мальчик? – Зинка достала из банки второй огурец.

– От чего не помню, так шобы у нас рождались пацаны – сплошные девки.

Эдик появился на свет в необычайно холодную сентябрьскую ночь.

– Эдик, к сожалению, мальчик, но он наш родной шлемазл. Никуда не денешься, будем растить и кормить, – вынесла решение бабушка.

Так же, как и его маму, мальчика оградили от мужского общения. Бабенька, как называл Фаину Эдик, была для него всем – матерью, отцом, другом. Зинка, как только родила сына, сразу ударила в загул.

Она меняла мужчин чаще, чем следовали друг за другом времена года. Иногда смена партнера происходила каждый месяц... Фаина ругалась, обзывала дочь дурой и блядью, но Зинка то весело показывала тонкое золотое колечко, то ставила на стол в кухне дефицитный кремовый торт:

– Заработала, мам.

У Зины была школьная подруга Лора, крупная, красивая литовка. Что связывало во всем правильную, хозяйственную и умную Лору с Зинкой, понять было невозможно, но их дружба была искренней и длилась долгие годы. Именно у Лоры Эдик впервые попробовал цеппелины – национальное литовское блюдо и понял, что едой можно не только набивать желудок, снимая спазм мальчишеского голода, но и наслаждаться.

Он со священным восторгом наблюдал, как варится картошка, как со скрипом прокручивается в старой мясорубке мясо вместе с жилами и салом, как жарится это мясо с огромным количеством лука. Как затем ловкие руки Лоры лепят цеппелины, в которых из экономии картофеля было в два раза больше, чем мяса, как из кипящей воды достаются воделенные цеппелины, укладываются на тарелку и поливаются густой сметаной.

Это было божественно вкусно!

Собирая Эдика в первый класс, бабенька купила ему настоящий школьный костюм с брюками вместо тренировочных штанов с вытянутыми коленями и две белые рубашки.

Первого сентября Эдик стоял перед небольшим мутным зеркалом в коридоре. Непривычный костюм подчеркивал узкие плечи первоклассника, сквозь букет гладиолусов были видны огромный нос с горбинкой, яркие темные глаза и криво подстриженные волосы. Фаина и Зинка, на время вспомнившая о материнском долге, стояли сзади мальчика и довольно переглядывались. Они считали, что Эдик красавец.

Он слушал похвалы и постоянно шмыгал носом, у Эдика часто текли сопли, и он гундосил.

Через неделю Эдик понял, что дети в школе его сторонятся. Школа была русскоязычной,

но на переменках почти все говорили по-литовски, а он, с раннего детства ограниченный в общении, плохо его понимал. А еще мальчик не знал, что он отличается от одноклассников не только незнанием литовского, но и тем, что он еврей.

Зато характер у Эдика был золотой: он всех любил, никогда ни с кем не ссорился, готов был отдать все, что у него есть, по первой просьбе, и даже терпимо относился к тем, кто дразнил его, называя «сопля зеленая».

Эдичка носил девочкам портфели и всем подсказывал на уроках математики. Математика ему давалась особенно легко, и первое, что он выучил по-литовски, были цифры: *vienas, du, trys, keturi, penki*[1 - Один, два, три, четыре, пять (лит.).] и так далее. Их он произносил без акцента.

Глава 3

Но детство на то и детство, чтобы в нем происходили чудеса. В третьем классе у Эдика появился настоящий друг – Димка. Его семья приехала из Радуня, городишка на границе Литвы и Белоруссии.

Бабенька, узнав о новом однокласснике Эдика, отличнике, да еще и еврее, благословила внука:

– Таки уже дружи с ним, шо тебе в одиночку бегать. И хоть будет с кем по-русски поругаться. Пацан, как и ты, ни черта не знает по-литовски.

Родители Димки были врачами. Когда Эдик первый раз пришел к ним в гости, Димина мама, Галя, сказала: «У тебя гайморит», – и выписала рецепт, попросив передать его бабеньке. Та попыталась понять латынь в медицинской бумажке, сходила в аптеку, приценилась, после чего сложила рецепт и спрятала.

– Тратить на детский шнобель[2 - Нос (идиш).] такие деньги? Нет, я таки не богачка. Невроко[3 - Бог даст, может быть (идиш).], сама справлюсь.

Она лечила внука народным методом: отваривала вкрутую яйца и горячими прикладывала их через грязный носовой платок к гайморовым пазухам. Эдику было очень горячо, но насморк не проходил.

Увидев, что приятель сына по-прежнему шмыгает носом, Галя сама купила лекарства и стала делать мальчику уколы. Через неделю он был здоров.

Детская дружба окрепла во дворе. Дома у Эдика была бабенька, которая не очень жаловала гостей, а у Димки имелась маленькая сестричка Леночка, которая все время капризничала и никому не давала покоя, поэтому мальчишки с радостью носились по двору вдвоем и орали друг на друга по-русски.

Ни Димке, ни Эдику не давали карманных денег, так что они чувствовали себя самыми нищими в городе. Именно тогда, в десять лет, они решили, что, когда вырастут, будут очень богатыми.

Во дворе, за гаражами, они написали на вырванном из тетрадки в клетку листке клятву и расписались кровью – прокололи пальцы металлической медицинской «стрелкой», которую Димка стащил у мамы. У Димки ранка неделю нарывала и гноилась, у Эдика все обошлось.

Пока же, до воплощения в жизнь клятвы и обретения богатства, им приходилось перебиваться случайными заработками – за копейки они помогали теткам нести тяжелые сумки от продуктового магазина, что был во дворе, до квартиры.

Накопив необходимую сумму, Эдик и Димка купили велосипед – один на двоих. Мальчишки

были настоящими друзьями и никогда не ругались, решая, кому и когда кататься.

Однажды они несли сумки пожилой даме в соседний двор.

– Ачо[4 - Спасибо (лит.)], – сказала она и расплатилась за помощь так щедро, как еще никто не расплачивался.

От таких денег закружилась голова, и Димка с Эдиком немедленно начали строить грандиозные планы на будущее – они уже давно хотели купить модель автомобиля. Перебивая друг друга, обсуждая, как все устроить получше, мальчики влетели в свой двор.

– Ты где велик оставил? – первым опомнился Дима.

– Здесь! – Эдик хлюпнул громадным носом, собираясь заплакать. – У забора.

Он прекрасно помнил, что прислонил велосипед к заборчику, ограждающему проезжую часть от газона и детской площадки.

– Тут его нет. Вспоминай! – наступал Димка.

– Да здесь он был, я его, того, всегда здесь оставляю! – Эдик заплакал от обиды.

– Правильно тебя зовут шлемазлом, – бросил ему Дима.

Тут же раздался из окна крик бабеньки:

– Эдичка! Домой!

Мальчики, обиженные друг на друга, разошлись в разные стороны.

Велосипеда не стало. Этот день остался в памяти у обоих навсегда, и вовсе не из-за потери любимого велика... Дома мальчишек ждали ошеломляющие новости.

Димка узнал, что папа ушел от мамы, от него, от Леночки и собрался уезжать в Америку.

У Эдика новости были похожие: мама Зинка тоже уезжала в Америку и бросала сына с больной и старой бабенькой. Но главное было даже не это, а то, что Димин отец, Александр, уезжал с мамой Эдика, Зиной.

Эдик растерялся. Он не боялся оставаться с бабенькой – Фаина была для него всем в этом мире, его вселенной, но то, что мама уезжает с Диминим папой, повергло мальчика в шок. До этого в его жизни еще не существовало слов «измена» и «предательство».

Глава 4

Мать Эдик видел редко и любил, когда Зины не было дома.

О том, что у людей бывают нормальные семьи, он узнал, только побывав в гостях у Димки. Мама Галя, со слов друга, была очень строгой, но он просто не знал, что строгая – это его бабенька! А тетя Галя была красивая, элегантная, вкусно готовила, все успевала и часто смеялась. С порога она всегда встречала их одними и теми же словами:

– Мальчики, тщательно мойте руки, особенно ты, Эдька, и за стол.

А на столе – грибной суп, салат оливье, в духовке курочка с румяной корочкой. На

десерт – это слово он узнал только в Димкиной семье – вафельный торт, который Галя делала по особому рецепту.

Эдик знал, что, если он пообедает у Димки, бабенька его отлупит грязным кухонным полотенцем, но за эти вкусности готов был терпеть все.

В злополучный день детским чутьем Эдик понял, что в том, что его мама и Димкин папа уезжают в Америку вместе, есть что-то страшное и необратимое.

По географии у него была тройка, близкая к двойке, но отличник Дима показал другу на карте, где она, эта Америка. Эдик, хотя мало что смыслил в масштабах, понял, что это очень далеко.

Бабенька причитала на весь дом:

– На шо жить? А? У меня только тощая пенсия и слабая подработка на фабрике! А если я умру? С кем останется этот шлемазл?

Эдик второй раз за день услышал незнакомое слово. Для себя он уже перевел его так: шлемазл – мальчик в мотоциклетном шлеме. Причем раз шлем – значит, для защиты.

– Мама, да ты нас всех переживешь! – Зинка легкомысленно рассмеялась. – Я в момент устроюсь и сразу заберу вас обоих в тую Америку.

В доме Димки все происходило в полной тишине.

Александр взял приготовленные чемодан с сумкой, подошел к двери и повернулся к бывшей жене, сидящей ссутулившись на кровати в их спальне.

– Устроюсь и буду платить алименты.

Галя встала, позвала детей, обняла и заперлась с ними в детской.

– Теперь мужчиной в доме буду я, – пообещал сын, глядя в закрытую дверь комнаты. – Я даже умею зарабатывать деньги. Правда... – Димка нахмурился. – Сегодня у нас с Эдиком украли велосипед.

Когда за мужем захлопнулась входная дверь, Галина обхватила голову и спрятала лицо в ладонях.

Леночка играла со своей любимой куклой, не обращая на маму и брата внимания.

Диме стало страшно. Он всегда боялся, когда мама молчала. Лучше бы она накричала или стукнула.

Правда, били его всего один раз в жизни, и то скорее для острастки. Пару раз вытянули ремнем, когда он сунул в рот плачущей полугодовалой Ленке большую шоколадную конфету.

Сейчас Димка не выдержал напряжения и заплакал. Мама обняла его, положила голову сына на колени и гладила, пока он не заснул.

Утром мама заговорила первая.

– Теперь мы остались одни. Нужны деньги. Я возьму дополнительные дежурства. Леночку устроим в круглосуточный садик. Ты после школы будешь ходить к соседке с первого этажа Лайме, делать уроки. И спать вечером тебя будет укладывать она.

Неуверенность в завтрашнем дне воцарилась и в доме у Эдика.

После завтрака на скорую руку бабенька сказала:

– Из школы сразу домой! Пойдешь со мной в магазин за овощами. Потом я схожу на фабрику, переоформлюсь-таки надомницей – пуговицы пришивать можно и дома. Вечером будем мыть наш подъезд. – В ее глазах заблестели слезы и она запричитала: – Как же мы на мою одну пенсию проживем?.. И так еле-еле сводим концы с концами!..

У друзей началась новая жизнь – у одного без отца, у другого без матери.

Но детство брало свое, и они постепенно привыкли к своему новому положению. Жизнь начала входить в привычную колею.

Глава 5

Шли месяцы, пейзаж за окном поменялся. Зеленые листья сначала распустились, потом пожелтели и съжились, словно попытались стать невесомыми и остаться на дереве до следующей весны, но им это не удалось: пришло время, и они улетели под ноги прохожим и, собранные безжалостными метлами и граблями дворников, сгорели в кострах, не оставив после себя ничего, кроме клубов дыма.

Друзья росли, все делили друг с другом поровну и продолжали понемногу зарабатывать.

А потом заболела бабенька. Она очень мучилась из-за артрита, суставы рук и ног безобразно деформировались, добавилась нестерпимая боль в спине. Ей пришлось оставить подработку и жить на одну пенсию.

Денег катастрофически не хватало. Эдик, как мог, ухаживал за Фаиной.

– Только не умирай, – просил он ее.

– На кого я его оставлю, малого и неприкаянного... – причитала бабенька.

За полгода она резко сдала. В ее глазах, всегда излучавших тепло и энергию, пропала маленькая, данная природой искорка, которая помогала в самые трудные минуты жизни. В последнее время бессонными ночами она думала о будущем Эдика и о своей несложившейся жизни, в которой ничего стоящего, кроме любимого внука, и не было.

Как-то, когда боли были просто нестерпимыми, Фаина написала письмо дочери. Написала обо всем: и о своей болезни, и о безвыходном положении, и об Эдике. Но на следующий день, когда ей стало немного лучше, она передумала его отправлять.

– А вдруг у нее совесть проснется и она заберет ребенка в Америку? Таки не дождетесь! – Ни к кому не обращаясь, пробормотала Фаина и порвала письмо.

Видимо, Господь не забыл о бабушке и внуке. Бабенька пошла на поправку.

Глава 6

Димка был худым, с большими еврейскими глазами и вечными синяками под ними – давали о себе знать вечное недосыпание и постоянная зубрежка. Он с удовольствием таскал голодному Эдику свои бутерброды, котлеты и сладости, но бабеньке из этого редко что перепало. Чувствуя свою вину перед Фаиной, мальчики решили украсть деньги. Вот только у кого?

Они часто помогали соседке Доноте донести тяжелые сумки. Женщина при этом рассеянно кивала, мол, киньте у порога, а сама шла в гостиную. Свою сумочку она ставила на трюмо у входной двери.

Насмотревшись на сумку с толстым, торчащим из нее кошельком, ребята выработали план. Димка должен был отвлечь Доноту, а Эдик, взяв немного денег из кошелька, положить его обратно.

Димка очень боялся этого, целую неделю отговаривал Эдика, но когда в очередной раз зашел за ним домой, то увидел бабеньку. Старуха корявыми артритными пальцами сыпала в кастрюлю с кипятком серую вермишель. Та просыпалась сквозь страшные пальцы на плиту, а Фаина пыталась подцепить просыпавшиеся вермишелины и тихо, чуть не плача, ругалась.

Димка решился.

Все шло как по маслу. Донота прошла в комнату. Эдик быстро сунул руку в сумку, нащупал кошелек, открыл, захватил наугад несколько купюр... и вдруг заорал:

– Помогите!

Со шкафа, стоящего рядом с трюмо, на плечо Эдику прыгнул огромный серый кот, вцепился когтями в рубашку, а сквозь нее в кожу, раздирая ее.

Соседка обернулась на крик... Словом, их поймали с поличным.

Эдик побледнел как полотно и воззвал к чувствам Доноты:

– Если вы сдадите меня в милицию, моя бабенька умрет!

Димка стоял рядом и рыдал, размазывая по лицу слезы грязными после улицы кулаками.

На крик прибежала соседка сверху, и сразу за ней – ее муж. Оба были в одинаковых халатах, с газетами в руках. Толстые и спокойные, они, не торопясь, схватили растерявшихся мальчишек за руки.

Соседка перестала кричать и показала мальчикам на входную дверь.

– Вон, воришки неблагодарные! А еще евреи. Хуже русских!

Вечером Димка не выдержал и рассказал все маме. Галя сказала, что их соседи во дворе, в большинстве своем, хорошие люди.

– Пройдите по дому вместе с Эдиком и попросите помощь на лечение бабеньки, – посоветовала она.

– Ты хочешь, чтобы мы были попрошайками?

– Это лучше и честнее, чем воровать! – строго ответила мама. – Спросите, может, вам предложат какую-то работу.

Мальчишки так и сделали.

Первой помогла соседка Димки, Лайма, дав для бабеньки целых десять рублей. Другой сосед, бывший военный, предложил мальчишкам раз в неделю мыть у него полы. Соседи из дома напротив – гулять с собаками. И почти все соседи хоть что-то дали, кто рубль, кто анальгин.

Неожиданно в гости к Фаине приехала Лора. Она уже два года жила в новом квартале на окраине Вильнюса. Сейчас, услышав от знакомых о случившемся, привезла немного денег и кастрюлю цеппелинов.

– Не ожидала я, тетя Фаина, что Зинка уедет в Америку и вас не заберет. Она всегда

была легкомысленной, но что бросила сына – это неправильно. – Лора старательно выговаривала русские слова. – Я сейчас полы у вас помою и поеду. Я замуж вышла, муж любит, чтобы дома был и обед, и ужин.

Фаина расплакалась, наблюдая, как располневшая Лора, с наметившимся животом, тщательно мыла полы в их захлавленной квартире.

Прибывший с улицы Эдик стеснительно шмыгал носом, здороваясь с бывшей маминной одноклассницей. Но, как только он почувствовал запах любимых цеппелинов, вся его скромность пропала, и он побежал на кухню. Он съел половину кастрюли, прежде чем вспомнил о бабеньке. Та уверила, что уже пообедала – пусть Эдичка доедает.

Лора, не слушая их разговор, переложила остатки цеппелинов в тарелку и убрала в холодильник.

Вымыв кастрюлю, она положила ее в авоську.

– Вы держитесь. Я после родов к вам приезжать не смогу, муж не отпустит.

Два раза в день Димка гулял с соседской овчаркой. Эдик для прогулок выбрал таксу. Он скрывал, что панически боится больших собак. Однажды, когда выгуливал маленького таксера и к нему подошел Димка с овчаркой, он от страха немного описался.

Бабенька стирала штаны и ворчала.

– Шлемазл описанный. Шо тебе тая собака? Здоровые умные собаки не кусаются, бойся молчаливых шавок.

Эдик стыдился своего страха и из принципа стал ходить вместе с Димкой, постепенно привыкая к овчарке.

Первый сексуальный опыт ребята получили в шестнадцать лет во дворе, с соседкой Наташкой, девушкой, как тогда говорили, легкого поведения.

Однажды, когда они что-то обсуждали, стоя в Димкином подъезде, Наташка, изрядно выпившая, возвращалась домой. В расстегнутом легком плаще, под которым была прозрачная блузка и короткая юбка над полными ногами, в ажурных колготках да еще в новых полусапожках на каблуке – не каждая девушка могла себе позволить так сексуально одеться – она выглядела сногшибательно.

Тряхнув коротко стриженными светлыми волосами, Наташка близко подошла к пацанам и спросила, смеясь:

– Что, огурцы, дозрели?

– Да! – со стыдной надеждой ответили ребята.

– Тогда пошли!

– Вдвоем?

– Но вас же только двое?

И они отправились к Наташке, в ее однокомнатную квартиру. На стене около дивана висел красный ковер с рисунком – по тем временам признак роскоши. В углу стоял черно-белый телевизор и, к удивлению ребят, видеомагнитофон. Наташка нажала на кнопку, и Димка с Эдиком раскрыли рты. Они слышали про видеомагнитофоны и порнофильмы, но видели это впервые. Впрочем, и без кино за эрекцией дело не стало.

– Эй ты, носатый! – Наташка позвала Эдика. – Будешь первым.

Димка стал вторым...

Сам процесс прошел быстро и неряшливо. От пьяной Наташки пахло водкой и потом, зато появилось полное моральное удовлетворение – они стали мужчинами.

В награду оба получили гонорюю... У Эдика она протекала особенно тяжело.

Через две недели Димка, преодолевая стыд уговорами, что его мама все-таки врач, рассказал о случившемся Галине.

– Что, гной из хвоста капает? – брезгливо спросила она.

– Да. – Димка даже не покраснел, настолько ему было плохо.

Целую неделю мама делала уколы, и у Димки все обошлось.

А вот Эдика, стеснявшегося прийти в кожвендиспансер, пришлось оперировать: инфекция привела к воспалению верхней плоти. Фаина так ничего и не узнала.

– Зато теперь он настоящий еврей, – сказала Димина мама, которая лично отводила Эдика к знакомой врачихе.

– А я? – поинтересовался сын.

– А тебе мы это сделаем в Израиле.

– Это когда же? – поразился Дима.

– Когда время придет, – уверенно ответила Галя.

Глава 7

Началась перестройка, открылись границы, и многие евреи начали уезжать кто куда, главное – подальше от Советского Союза. Димина мама всерьез засобиравалась ехать в Израиль.

– Почему в Израиль? – не понимал Дима. – Я хочу в Штаты. Там все-таки папа...

– Твой папа нас к себе не зовет, за четыре года позвонил восемь раз, прислал три письма и пятьдесят рублей денег. А из Израиля мы уже получили приглашение. Теперь целый год придется собирать документы и продавать вещи. С собою в Землю обетованную можно брать только деньги и знания. Английский ты более-менее знаешь, начинай учить иврит.

Димка решил, что год – это очень долго, и успокоился.

Между тем пришла пора выпускных экзаменов и первой любви. Оба, конечно, влюбились в одну девушку – Эллу, первую красавицу в классе. Димке нравилось, что она была умной, а Эдик был в восторге от ее смазливой мордашки и длинных волос. К тому же он привык все делать за компанию с другом.

Они так и ходили везде втроем, пока Элле все это не надоело и она не вышла замуж за Мишку, их одноклассника. Оказывается, после долгих, изматывающих ее девичье терпение прогулок с Димой и Эдиком по паркам и улицам Вильнюса она спешила к Михаилу и отрывалась с ним по полной программе. Дима и Эдик тяжело пережили ее предательство, но в глубине души оба были довольны тем, что им не пришлось рассориться.

Окончив школу, Эдик решил поступать в медицинский, чтобы лечить бабенку.

У него было не очень хорошо с оценками по гуманитарным предметам, зато точные науки ему давались легко, и по ним, как и по химии и биологии, в аттестате стояли твердые пятерки.

В Вильнюсе мединститута не было, и Эдик поехал в Москву.

Одновременно Димина семья получила разрешение на выезд.

Уехали, без сожаления продав квартиру, обстановку и вещи. Денег получили мало – литовцы и русские, соседи и знакомые, без зазрения совести воспользовались их безвыходной ситуацией.

Галина сразу устроилась в Израиле на работу, правда, только медсестрой. Чтобы получить место врача, ей предстояло в следующем году подтвердить свой диплом.

Леночка пошла учиться в школу рядом с домом. Проблем с языком у нее не было, почти в каждой школе Израиля в то время существовал русскоязычный класс. Но заново учить иврит пришлось всем с первого дня пребывания на исторической родине.

Спустя полгода Диму забрали в армию. Он попал в танковую часть, где ему сильно доставалось за нерешительный и излишне деликатный характер, но к концу службы он сильно изменился.

После армии Дима пошел учиться в Хайфский политехнический институт – Технион, как его здесь называли. Учился, как и в школе, отлично, а подработку нашел по месту прежней службы.

Глава 8

Эдик поступил в Первый медицинский институт имени Сеченова.

Он учился с таким остервенением, что очень быстро стал заметной фигурой на потоке.

Среди тысяч студентов Эдик отличался некоторой, как говорили его однокурсники, «диковатостью».

После жизни в Вильнюсе, с его неторопливостью, сумасшедший ритм Москвы окончательно закомплексовал его. Триста тысяч населения литовской столицы казались ему когда-то невыносимым скоплением народа. Теперь он увидел, что такое город в десять миллионов, треть из которых – приезжие.

Эдик получил койку в общежитии и, в отличие от большинства студентов, не загулял на неделю, а уткнулся в учебники.

Не привыкший к особой чистоте в квартире бабенки, где самым ценным предметом являлась старинная эмалированная ванная на кухне, а вместо стекла в форточке двадцать лет торчала фанерка, он не обращал внимания на грязный пол, мутное окно и обертки на столе.

Не избалованный кулинарными изысками, он с удовольствием обедал в студенческой столовке. У бабенки любимым блюдом была вареная курица и все, что к ней прилагалось, то есть бульон, а после жидкий супчик на том же бульоне, с окончательно разварившимися остатками курицы. Теперь же Эдик с удовольствием ел котлеты, сосиски и даже свиную поджарку, которую бабушка принципиально не признавала.

В Вильнюсе Эдик чувствовал себя изгоем, дружил только с Димкой, и никто не лез к нему с предложениями дружбы. В Москве, где шестьдесят процентов студентов были иногородними и выходцами из «дружественных» пятнадцати республик, приходилось ежедневно общаться с новыми знакомыми. Эдик с ходу стал отличником, и многим ребятам позарез были нужны его конспекты. Но дружить не получалось – он почти не пил, у него не было свободных денег, и он не умел рассказывать анекдоты.

А еще у него просто не было ни сил, ни времени на тусовки. Денег катастрофически не хватало, и ему пришлось пойти на работу в больницу, точнее в Институт скорой помощи имени Николая Васильевича Склифосовского. Туда устраивались студенты всех «медов» – кто санитаром, кто медбратом. Эдик, неожиданно для отдела кадров, попросился сиделкой.

– Я за бабушкой два года ухаживал, есть опыт. И в дальнейшем хочу работать в системе социального ухода за больными.

Вид серьезного Эдика, высокого и худющего носатого еврейчика с умными глазами, произвел благотворное впечатление на ушлых сотрудниц отдела кадров, и его оформили сиделкой к тяжелым послеоперационным больным.

Вскоре появились и частные заказы – работать сиделкой на дому, и Эдика это очень устраивало: во-первых, кормили гораздо лучше и, из сострадания к его худобе, давали еду с собой, во-вторых, не дергали, когда не хватало медсестер в процедурном кабинете или на перевязках, а в-третьих, на этих дежурствах он мог заниматься – читать учебники, писать курсовые и рефераты.

Новый друг нашел его сам. Однокурсник Марк – лоботряс и тусовщик – явился в общежитие на очередную попойку и заглянул к Эдику за конспектом по биопсии. Его джинсы, футболка с надписью на английском «Трахни меня, детка», кроссовки и бейсболка фирмы «Адидас» вызвали зависть даже у Эдика, равнодушного к тряпкам.

В Союзе тогда мало кто мог похвастаться настолько модной и дорогой экипировкой. Эдик слышал, как хвалился Марк в институтском туалете: «Кто носит фирму «Адидас», тому любая баба даст».

Уверенно войдя в комнату, Марк кинул дипломат на ближнюю к двери койку.

– Ну и грязь у тебя, Эд, ты настоящий шлемазл. Разве может быть у хорошего медика такой бардак? Есть у тебя веник и половая тряпка?

Эдик, среагировавший на обращение «шлемазл», оторвался от учебника.

– Я не знаю. А что, пора мыть полы? – Он равнодушно посмотрел на линолеум с серыми пятнами и грязными разводами.

– И тейбл обклининговать, то есть на столе убрать. – Марк прошел к окну, сел на свободный стул. – Вас здесь трое на пятнадцати квадратных метрах, неужели трудно установить дежурство по уборке?

– А-а... – Эдик переложил учебник на заваленный бумажками и очистками стол. – Я же того, один здесь. Миха снимает комнату в городе, а Сергей у девушки живет, в другом корпусе.

– Да у тебя просто лафа, Эд! О'кей! Вот где мы водку будем пить с ребятами. – Марк повторно оглядел комнату. – Только нужно сделать уборку. Вставай, академик Склифосовский, бери в руки веник, а я пока повыбрасываю все шит[5 - Дерьмо (англ.)] со стола.

Уборка, которой Эдик боялся целый месяц, заняла всего полчаса. Сев на свою кровать,

он с удовольствием оглядел влажный пол, чистый стол с ровной стопкой учебников и белый, а не серый подоконник. Между рамами, в связи с отсутствием холодильника, были аккуратно расставлены продукты, на тумбочку водружены электрический чайник, пачка кускового сахара и пакет любимого печенья курабье.

Вернувшись из туалета, Марк встряхнул мокрыми руками.

– Повторяю, Эд. Врач – профессия людей, любящих чистоту. Лиссен ту ми, плиз[6 - Послушай меня, пожалуйста (англ.)]. Когда мы решим зависнуть у тебя виз бойс энд герлз[7 - С мальчиками и девочками (англ.)], я тебе помогу с уборкой, а ты, когда не увидишь меня на лекции, пиши конспект под копирку. О'кей?

Эдик представил себе вечеринки с алкоголем и девушками, да еще практически бесплатно... и пожал протянутую руку Эдика.

– Идет.

В гостях у Марка Эдик не переставал удивляться. Прежде всего его поразил сам дом, из тех, которые в Москве называют сталинскими, даже внешне он внушал уверенность и уважение.

– Ты особо у нас не шуми, – предупредил Марк, открывая высокую дверь подъезда специальным ключом. – Отца, скорее всего, дома нет, он все время в своей клинике. Как только пять лет назад началась перестройка, он сразу вложил в нее, что имел, и теперь пропадает там сутками, зарабатывает очередную ученую степень и деньги для семьи. Он у меня почти академик. А насчет мамы я не уверен. Она психолог, работает, когда захочет. Между прочим, она уже профессор, хоть ей всего тридцать семь.

Марк довольно рассмеялся и вызвал лифт. В просторном холле подъезда, отделанном модной итальянской плиткой, смех отразился троекратным эхом.

В большой квартире Эдик почувствовал себя, словно в музее. Мебель, антиквариат и старинные картины в тяжелых золотых рамах ослепили роскошью. Безукоризненная чистота кругом ошеломила.

Эдик смущенно топтался у дверей и все не решался снять обувь – стеснялся несвежих носков с дыркой на большом пальце.

В холл вышла стройная и моложавая мама Марка, чмокнула сына в макушку, пока тот переобувался, и протянула Эдику для поцелуя руку, на среднем пальце которой сверкало великолепное старинное кольцо.

– Приятно познакомиться, Бэлла Александровна, – проговорила она.

Эдик, представив, как, целуя ее нежную руку, уткнется в нее своим горбатым шнобелем, ответил неловким рукопожатием.

– Э-эдик. Мне тоже... того... приятно.

Из-под пушистых длинных ресниц Бэлла Александровна быстро взглянула на гостя – и от ее взгляда у него по спине пробежали мурашки и предательски подогнулись колени. Ни одна из ровесниц не вызывала у него таких чувств. Ему, восемнадцатилетнему, женщина на девятнадцать лет старше него показалась абсолютным воплощением красоты и совершенства. Он впервые понял, что такое – женская притягательность.

Избалованная, жившая в достатке и роскоши, Бэлла не обратила особого внимания на неловкого носатого юношу, но Эдик теперь знал точно – ему нужна только эта женщина. Ему нравилось в ней все – шелковый халат на стройном теле, уложенные волнами густые волосы, ухоженное лицо с тонкими чертами и аккуратным носиком. И особенно его

пленил запах духов и проступающий сквозь них аромат женского тела.

Бэлла – это богиня, которую он хотел как самую обыкновенную женщину. Он мечтал разговаривать с ней, быть рядом и обладать ею.

С того дня жизнь Эдика наполнилась новым смыслом. Теперь, с удовольствием делая любую, самую тяжелую и унижительную работу, он думал и мечтал только о Бэлле. Засыпая и просыпаясь в поту и извергая фонтан спермы на грязную, серую от бесконечных стирок студенческую простыню, он мечтал о ней, своей богине.

Эдик осторожно расспрашивал Марка о маме – чем она занимается, что любит. Для него была бесценна каждая крупница информации. Он даже осмелился спросить Марка в лоб:

– Я не понимаю, как в тридцать семь лет можно стать профессором?

Марк рассмеялся и сказал:

– Главное в нашей жизни – связи. Отец моего папы, то есть мой дед, был академиком медицины. Папа женился на маме, когда ему было уже сорок, а ей семнадцать, но он имел хорошую должность в клинике, звание профессора, а значит, деньги и власть, хотя и на среднем уровне. А через пятнадцать лет он попросил за маму, имевшую докторскую степень, своего приятеля. Так и появился новый профессор.

После слов Марка Эдик понял: чтобы обладать Бэллою, он должен стать известным и богатым. И как можно быстрее.

Вообще-то нулевой первичный капитал плюс большая бабенка – не лучшие условия для открытия бизнеса. Зато имелись желание и вера. А теперь и любовь.

Его все чаще нанимали в сиделки богатые родственники больных пациентов, чтобы совесть, что называется, была чиста. После окончания второго курса, уже практически будучи фельдшером, Эдуард решил организовать фирму по уходу за хроническими больными.

Желающих воспользоваться ее услугами оказалось много. Больные и их родственники передавали информацию о его фирме из уст в уста. Вначале Эдик сам продолжал ухаживать за пациентами, но уже через полгода он еле-еле справлялся с административными функциями.

В начале третьего курса родилась еще одна идея – посылать в богатые семьи медсестер по уходу за родильницами и новорожденными. В фирме Эдика работало больше восьмидесяти студентов. Некоторые из них, познакомившись с родственниками больного, начинали работать с ними напрямую. Отследить подобные «контакты» было практически невозможно, но Эдик и это предусмотрел. В его фирме служил отличный адвокат, поэтому работники Эдика, уходившие от него вместе с клиентами, вскоре, столкнувшись с юридическими неприятностями, например, в случае смерти больного, с извинениями возвращались под его крыло.

Появились деньги. Их было достаточно, чтобы переехать в приличную квартиру в хорошем районе. Он купил в комиссионном магазине старинную мебель и пару картин – создал из своего жилища маленькую копию квартиры Марка.

Прожив в новой квартире неделю, Эдик поехал в Вильнюс за бабенкой.

Та поначалу ворчала, но была счастлива. С единственным чемоданом и тюком белья она гордо села в такси, кивнула соседкам и громко заявила:

– От, в Москву родной внук тянет. Так я шо, сопротивляться буду? Нет. Если мальчику надо – я буду рядом. Невроко, не совсем дурная, не пропаду на новом месте. Барыней

заживу.

Теперь у Эдика и бабеньки были отдельные комнаты, большая кухня и шикарная ванна.

Эдик попросил Марка, который оставался самым стильным студентом в институте, помочь ему выбрать одежду. Модные вещи тогда «доставали» и переплачивали в три-пять раз. Эдик был решительно настроен на новую жизнь, а Марку всегда было приятно давать советы относительно гардероба.

– О'кей, Эд. Ты начинаешь понимать в стиле.

Но и это еще не все. На каникулах Эдуард сделал пластическую операцию – ринопластику. Пластический хирург выставил весьма большой счет.

– Дорогой Эдуард! Я заломил высокую цену, – хирург ткнул гелевой ручкой в нос Эдика, – поскольку объект уменьшения и коррекции у вас размером с Кольский полуостров. Сами понимаете, какой объем работы.

Эдик согласно кивнул, как клюнул своим шнобелем.

– Конечно, я понимаю.

Глава 9

Эдик превратился в ухоженного красавца. За несколько месяцев удачной работы и полноценного питания: в обеденный перерыв пицца или другой фаст-фуд, а вечером ужин в кафе, – он набрал в весе, и теперь при высоком росте его фигура выглядела идеальной. Модная одежда, а главное, новый, аккуратный нос, сделали его более уверенным в себе, что проявлялось в расправленных широких плечах, жестах и во взгляде.

После двухнедельных зимних каникул Марк, увидев Эдика в коридоре института, не узнал друга и чуть было не прошел мимо.

– Марк! – окликнул его Эдуард.

– О, май харт[8 - Мое сердце (англ.)], ни фи́га себе... – Марк обернулся и медленно подошел к нему. – Да ты просто Аллен Делон. Слушай, Эд, давай после занятий поедим ко мне? Папа в Америке на симпозиуме по иммунологии, а мама должна быть на даче. Замутим вечеринку с девчонками, Костика пригласим. О'кей?

Эдик согласился сразу. Ему очень хотелось снова оказаться в том месте, где все напоминало о Бэлле Александровне. По дороге к дому он рассказывал о делах на своей фирме, о том, что давно решил на ринопластику, о хирурге, выставившем ему двойной счет.

Марк открыл дверь своим ключом и внезапно услышал:

– Марик, это ты? – Так любя Бэлла называла сына.

– Да, мамуля, – ответил Марк, стараясь не показать в голосе разочарование от ее присутствия.

Бэлла в накинутом на плечи шелковом халате вышла из комнаты. Халат сполз с левого плечика, и Эдик увидел крохотную черную родинку, словно зовущую для поцелуя. Сердце его забилось – ему казалось, что оно где-то в горле. Эдик буквально онемел – так он желал свою богиню.

Бэлла разглядывала его с интересом.

– Марк, а кто этот симпатичный юноша? Почему ты нас не познакомишь?

– А, май мазер[9 - Моя мама (англ.)], ты тоже не узнаешь? – Марк засмеялся, показывая идеальные зубы. – Это же Эдик, мы вместе учимся, он был здесь прошлой зимой, но худой и со шнобелем, размером с Кольский полуостров.

Взгляд Бэллы менялся с каждой секундой. Теперь от нее к Эдику пробежал электрический разряд. Она протянула руку, которую юноша нежно поцеловал. От прикосновения мягких, нежных губ к ее пальцам, сначала по кисти, а затем выше, к плечу, а от него к сердцу прошел ток желания. Бэлла, половину жизни изучающая человеческую сексуальность, сделала для себя приятное открытие – она нравится этому парню, он хочет обладать ею... И она тоже хочет его.

Эдик с трудом отпустил руку Бэллы, кружилась голова.

– Планы меняются, маман сегодня точно никуда не уедет. Летс кам тугезе[10 - Пошли отсюда (англ.)], сматываемся, – шепнул Эдику Марк.

– Марк, тебе нужно заняться произношением, – назидательно, но с любовью, произнесла Бэлла, услышав это. – А вы, молодой человек, проходите, пожалуйста, – пригласила богиня и прошла за стеклянные двери гостиной.

– Неудобно уходить, – шепнул другу Эдик, желающий только одного – подольше побыть с этой необыкновенной женщиной. – Давай останемся ненадолго, хотя бы из приличия...

– Ну иди, позаигрывай с мамой. – Марк понимающе кивнул. – С ней все заигрывают. А я пока загляну в холодильник – вишневого компотика дерябну. Ты не хочешь?

– Нет, спасибо.

Марк ушел в кухню, и было слышно, что он набирает телефонный номер.

Эдик повесил куртку на старинную вешалку, стоявшую напротив входной двери, и начал снимать обувь.

Бэлла выглянула из гостиной.

– Нет, нет, не снимайте, – остановила она его. – Проходите так... – Она замолчала, потому что забыла его имя.

– Эдик, Эдуард, – напомнил юноша.

– Проходите, Эдик, Эдуард. – Бэлла мило ему улыбнулась.

Эдика бросило в жар.

– У вас так... шикарно.

Бэлла с удовольствием провела рукой по изогнутой спинке старинного диванчика.

– О, да. И я, и Олег очень любим антиквариат. Ему он достался по наследству, а я, девочка из нищей семьи, сразу полюбила дорогую мебель. Не стесняйтесь, рассматривайте, дотрагивайтесь. Мне приятно. – И она так посмотрела на Эдуарда, что слова «рассматривайте» и «дотрагивайтесь» отозвались у него внизу живота.

Пока он изучал интерьер, Бэлла вышла в прихожую и сунула в карман его куртки свою визитку.

– Эд, мы опаздываем! – Голос Марка привел в чувство. – Я Костику позвонил, нас уже ждут.

– Действительно, нам надо идти. Спасибо большое... – невнятно пробормотал Эдик.

Эдуард с Марком вышли на лестничную площадку. Надев куртку, он рассеянно слушал друга. Идти куда бы то ни было ему расхотелось. Он должен был побыть один.

Эдик машинально сунул руку в карман и вытащил оттуда визитную карточку. Взглянув на нее, он быстро спрятал маленькую картонку обратно.

– Ты это, Марк... до завтра. Что-то голова сильно разболелась.

– Ну, как хочешь, – разочарованно сказал друг. – А я поеду потусуюсь. У Костика всегда полно девиц, хотя мне с ними в последнее время скучно. Ну, пока!

Добравшись до дома, Эдик плотно закрыл дверь в свою комнату и тут же набрал номер, напечатанный на визитке. В этот момент перед его глазами стояла Бэлла – он видел ее хрупкое плечико из-под сползшего халата.

«Она будет моей женщиной, а все остальное неважно!» – подумал Эдик.

Услышав в трубке голос Бэллы, он не смог вымолвить ни слова.

– Не молчите, пожалуйста, а то я повешу трубку.

– Это я, – выдавил из себя Эдик.

– Приезжай ко мне, мой мальчик, – после короткой паузы сказала богиня.

Глава 10

Через час он стоял у ее порога и молил Всевышнего, чтобы Марк остался ночевать у Костика, как он обычно делал по пятницам.

Казалось, что Бэлла ждала Эдика за дверьми. Она буквально затащила его за рукав в квартиру, заперев за собой дверь.

Взаимная страсть обрушилась на них мгновенно. По дороге в спальню она срывала с юноши одежду, а он целовал ее, не ощущая, куда целует. Немного неловко получилось с туфлями и носками, но в этот момент Бэлла встала перед ним и медленно сняла трусики.

От этого необычайно эротического жеста у Эдика окончательно помутился разум. Он обхватил руками идеальный зад Беллы, притянул женщину к себе, поцеловал ее живот, треугольник ароматных волос и, откинувшись на кровать, дождался, когда она сядет на него сверху. Ему хотелось видеть ее всю, дотрагиваться до груди, до живота, до прекрасного лица.

Молодость и зрелость слились воедино, и продолжалось это долго-долго.

А после, когда Эдик заснул, Бэлла долго сидела возле, задумчиво перебирая волосы на его голове.

Детство Бэллы провела в маленьком провинциальном городке Прокопьевске в Кемеровской области. Щуплая девочка с цыпками на руках и коленках всегда мечтала из Золушки превратиться в принцессу.

Папу завалило в шахте, когда ей было три года. Бэлла его даже не помнила. У них не

было родственников, и мама работала сутками.

Отец Бэллы, когда учился в Кемерове, влюбился в Нину, девушку из Прокопьевска. Он должен был стать горным инженером и лет через двадцать руководить одной из многочисленных угольных шахт. Приведя Нину домой, он представил ее как студентку кулинарного техникума и свою невесту.

И тут характер показала будущая свекровь. Она попросила Нину покинуть ее дом, а сыну выговорила, что русская повариха им, еврейским инженерам в пятом поколении, в семье не нужна.

Отец не выдержал, наговорил маме и братьям много лишнего и пошел жить в общежитие к Нине. Потом они уехали в Прокопьевск.

Присматривать за маленькой Бэллой согласилась тридцатилетняя соседка Люся – представительница древнейшей профессии. Бэлла хорошо помнила яркие Люсины губы, когда та ела или курила, и скрип кровати за шкафом, когда Люся возвращалась с кавалером, чтобы заработать этим скрипом немного денег. По крайней мере, так она объясняла это маленькой девочке.

Но к малышке Люся относилась хорошо, следила, чтобы она вовремя ела, стирала ее платья, а позже школьную форму. Денег с Нины Люся не брала.

– Чего ж я тебя не пожалею? Мне Бэлка нравится, я с ней душой греюсь.

Мама всегда была уставшей и печальной. Бесцветная и одинокая, эмоционально она ничего не могла дать дочери. Она думала только о том, как прокормить себя и Бэллу, хоть как-то одеть дочь, чтобы той не было стыдно в школе и перед соседками.

Когда Бэлла училась в пятом классе, у нее появилась женщина-идеал – Марина Сергеевна, учительница английского языка. Бэллочка и английский-то выучила только благодаря детской влюбленности в молодую, образованную, с большим вкусом одетую учительницу.

Марина Сергеевна оценила способности девочки и то, как самозабвенно она учила английский язык. Учительница приносила ей книги и журналы на английском. Они вместе читали непонятные фразы, особенно из модных журналов, которые Бэлла на всякий случай заучивала наизусть.

Как-то раз англичанка сказала:

– Ты обязательно должна учиться в Москве. В этой глуши или сопьешься, или станешь как твоя мама – никакой.

Эта фраза, неоднократно повторенная, стальным гвоздиком вошла в детскую память и стала двигателем Бэллиной мечты.

Бэлла часто вспоминала последний год учебы. Уверенная, что уедет в Москву, она не слушала мать, которая устало доказывала ей, что это невозможно – нет ни хорошей одежды, ни денег на билет, ни места, где жить. Бэлла училась. А что ей еще было делать?

На дискотеку она сходила два раза и поняла, насколько не модно одета. Танцевать она любила, но одна, для себя, при закрытых дверях комнаты в их скромной квартире.

Парни за ней ухаживали постоянно. Однажды на дискотеке, во время медленного танца, ощутив на себе жаркие ладони очередного воздыхателя, Бэлла, понимая, что девственность и знания – два основных ее богатства, сняла руки парня со своей талии и ушла домой. С тех пор она держала всех кавалеров на расстоянии.

Но как-то раз одноклассник Сашка, избалованный вниманием девочек и дам постарше, поклялся, что «использует полукровку по полной». Эти слова передала Бэлле соседка по парте, Юленька. Глаза Юленьки при этом смеялись.

– А чего ты сопротивляешься? Он уже со всеми переспал, – спросила она Бэллу.

– А со мной не получится, – спокойно отозвалась та. – Так ему и передай.

Юля окинула взглядом Бэллу – худенькую и небольшого росточка.

– Ой, Бэлка, не нарывайся. Снасилует. – В ее голосе прозвучало сочувствие.

С Нового года все школьники десятых классов стали готовиться к выпускному балу. Некоторые, правда, задумались об экзаменах – выпускных и вступительных, но основная масса на институт не надеялась. Девушки изводили родителей просьбами достать платья и туфли, парни высчитывали, во сколько обойдется выпивка.

Бэлла тоже попыталась объяснить матери, как ей хочется хотя бы один раз за последние пять лет поразить одноклассников хорошим платьем, макияжем, туфлями на высоком каблуке.

Она пришла в кухню, когда мама чистила картошку, села напротив и стала говорить, говорить. Мать слушала, кивала.

– Ладно, дочка, на туфли мы накопим, а платьишко я тебе сама сварганю, у меня есть белое, на тебя перешью.

– Но почему, мама? – Бэлла смотрела на мать, не понимая. – У тебя же есть деньги! Я считала, сколько ты зарабатываешь и сколько мы тратим.

Мама, поправив на груди драный халатик, нахмурилась.

– То не для тебя накопления, то на памятник. Оградку папе сделали, а памятник не смогли. Вот поставим, тогда и туфли.

– Мама, – Бэлла посмотрела в мутные глаза Нины, которая в последнее время стала выпивать. – Папы нет четырнадцать лет, а я вот она, живая.

Мать резко встала и грязной от чистки картошки рукой вlepила Бэлле пощечину.

– Ты мать жалей, а не деньги с нее тащи! Нет чтобы пойти в управление, устроиться на полставки, так нет, все зубришь, все на Москву свою поганую надеешься!

На выпускной вечер Бэлла пришла в перешитом мамином белом платье и в бежевых туфлях на низком каблуке, купленных из соображений экономии. Но все равно выглядела она великолепно.

Они с Юлькой веселились на полную катушку: танцевали, ели приготовленные родителями закуски, пили шампанское и даже пригубили немного водки. Юлька с другими девочками курила в туалете, Бэлла стояла рядом.

К четырем часам утра школьники и преподавательский состав, в зависимости от степени опьянения, разошлись – кто по домам, а кто на центральную площадь Прокопьевска, продолжать «гульбанить».

Домой не хотелось, и Бэлла с Юлей пошли на площадь. Тут-то и подошел пьяный Сашка.

– Ну что, Бэллочка-целочка, пойдём, полюбимся, пообжимаемся.

Правильно оценив обстановку, Бэлла повернулась к Юльке и прошептала: «Помоги». Юлька решила, что звезды сошлись в нужной композиции и накинулась на Сашку. Она стала обнимать его и целовать.

– Сашенька, не обращай ты внимания на эту кильку! Пойдем со мной – я ведь так тебя люблю и хочу!

Бэлла, не теряя ни секунды, развернулась и побежала домой, благо до него было два квартала.

Дома она схватила сумку, кинула в нее заранее приготовленные документы, сэкономленные деньги и два бутерброда, написала матери записку. Потом она выглянула в окно – на улице никого, значит, у нее в запасе несколько минут.

Бэлла выбежала из подъезда и дворами побежала на вокзал.

В пять часов утра она забралась в первый проезжающий товарный состав. Ей достался пустой вагон. Несколько часов она сидела около незапертой раздвижной двери, смотрела на мелькающие горы угля, шахтерские поселки, редкие пролески, пока не уснула.

Проснулась она ночью, от голода. В свете редких фонарей нащупала сумку и съела бутерброды. Пристроилась поудобнее в углу вагона и продолжила наблюдение за меняющимся пейзажем. В средней полосе России было больше лесов и деревянных домов.

Так прошли еще сутки. Хотелось есть, и особенно пить. Она нашла на полу крошку угля и начала ее сосать, представляя, что грызет пережаренное на огне мясо.

В пять утра товарный поезд остановился на какой-то богом забытой станции. Бэлла, поняв, что это надолго, выскочила из вагона и, сориентировавшись, нашла колонку, попила воды и умылась. На счастье девушки, около колонки кто-то забыл трехлитровую банку. Она быстро вымыла ее и наполнила водой. Эта вода спасала ее всю дорогу.

Ночью товарный поезд приехал в Москву. Бэлла выпрыгнула из вагона и побрела на свет прямо по железнодорожным путям. Прямо перед собой она увидела огромное, необычайно красивое здание, мало похожее на Прокопьевский железнодорожный вокзал. Там был свет, там были люди. Она очень обрадовалась и из последних сил взобралась на перрон.

Люди сновали по перрону туда-сюда, как муравьи в большом муравейнике. Внезапно у Бэллы закружилась голова, все вокруг стало черно-белым, как будто в телевизоре выключили цвет, на лбу выступил пот, и она потеряла сознание.

Очнулась она в приемном отделении больницы, на клеенчатой кушетке, над ней склонился немолодой, но весьма привлекательный врач:

– Откуда ты, красавица?

Когда она улыбнулась, доктор увидел почти черные зубы и темно-серый язык. Из-за этого он впервые не смог поставить правильный диагноз, и Бэлле пришлось рассказать все по порядку: она из-под Кемерово, из Прокопьевска, трое суток не ела, только пила воду и сосала уголь.

– Все понятно! – констатировал доктор. – Значит, придется тебя немного подкормить, и ты снова сможешь сосать уголь, – пошутил он и заливисто рассмеялся.

Бэлла молчала, с робкой надеждой глядя на веселого врача.

– И что потом? – спросил он. – Опять сядешь в товарный поезд? Нет, серьезно, что ты собираешься делать? У тебя ведь нет денег? А кстати, документы есть?

– Да, конечно. – Бэлла приподнялась на кушетке, вытащила из лежащей рядом с ней старой сумочки свой паспорт и протянула ему. – А еще у меня есть мечта! – И она принялась рассказывать, что хочет поселиться в Москве, поступить в университет, выйти замуж, родить детей. Она должна вырваться из нищеты. – Я хочу изменить свою жизнь Я уверена, что у меня получится. – И Бэлла повторила эту фразу на английском: – I wanna change my life. I am sure that I can do that.

Доктор тихо спросил:

– Откуда такой английский?..

– Учила, – уверенно ответил Бэлла. – У меня по всем предметам, кроме русского языка, пятерки.

– Пятерки? – Олег оглядел ладную фигурку девушки. – Ладно, что-нибудь придумаем.

Так Бэлла стала домработницей у своего будущего мужа. Олег в то время был женат на другой, находился на пике карьеры и достиг критического сорокалетнего переходного мужского возраста.

Женщиной Бэлла стала в первую же ночь, проведенную в доме Олега. Произошло это в кабинете его отца, умершего полгода назад.

Утром Олег смотрел на Бэллу с радостным изумлением, а Вита, его жена, – с ненавистью.

Бэлле повезло: Вита много работала, и с утра было время спокойно, без скандалов, убрать в квартире, сходить в магазин, приготовить ужин. Вечером, когда Олега обычно еще не было дома, появлялась Вита и начинала визжать, требуя, чтобы Бэлла убиралась из квартиры, что она неряха и не умеет готовить.

Скандал продолжался, пока не приезжал Олег. Он специально перестал задерживаться на работе, боясь, что Вита выгонит Бэллу на улицу, а он уже успел влюбиться в девочку. На следующий день все повторялось. Потом Вита начала распускать руки, и Бэлла молча сносила побои.

Ночью, видя синяки, Олег шел в комнату жены и грозил разводом, если она не перестанет избивать девчонку.

Не выдержав создавшейся в семье ситуации, Вита уехала к родителям.

По случаю отъезда жены Олег три дня совсем не ходил на работу, обучая Бэллу премудростям секса.

Нет, Бэлла его не любила и кроме благодарности не испытывала к нему никаких чувств, но точно знала, что без него ей не выжить.

Через два месяца стало понятно – Бэлла забеременела. У Олега с Витой не было детей, их брак и так трещал по швам. Узнав о беременности Бэллы, Олег тут же развелся с женой.

У новоявленного профессора началась новая, невероятная жизнь. Особенно Олегу нравилось, как Бэлла заискивающе-восторженно смотрела ему в глаза и часами слушала его пустую болтовню. В детстве его никто не слушал. Отец много работал и появлялся дома поздно, а мама постоянно отдыхала в пансионатах и на курортах. С одиннадцати лет Олег оставался дома один.

Теперь же, когда у него был тяжелый аппендицит, осложненный гнойным перитонитом, Бэлла выносила из-под него судно, будто сосуд с золотом.

Еще до рождения сына она по настоянию Олега поступила в медицинский институт и училась почти до самого появления ребенка на свет. Мальчика муж назвал в честь своего деда – Марком.

После родов Бэлла училась и воспитывала Марка, стараясь обходиться без посторонней помощи. Няня сидела с сыном, только когда Бэлла была на занятиях.

Ласками Бэлла уговорила мужа позволить ей поехать в Прокопьевск. За прошедшие после ее отъезда два года она написала несколько писем, но ответ получила только один раз. Мать прислала телеграмму: «Рада за тебя. Учись».

В Прокопьевске Бэлла не смогла попасть в свою квартиру, сменился замок, и дверь была опечатана. Она зашла к соседке Люсе. Та уже не занималась своим ремеслом, владела продуктовой палаткой и, хотя периодически пила, держалась на плаву.

Люся стояла в дверях в хорошем спортивном костюме, причесанная, с бутылкой дорогого пива в руках.

– Приехала, значит. Десять тысяч с тебя, Бэллочка. На свои я твою мамку похоронила.

– Когда? – ошарашенно спросила Бэлла. – Почему не сообщили?

– Так две недели назад. Ой... я забыла тебе телеграмму послать, запила малость. Нина говорила, что все хорошо у тебя, да я и сама вижу. Зайдешь?

– Зайду.

Бэлла пробыла у Люси двое суток. Пили пиво, пекли пироги, разговаривали. Бэлла узнала, что Юлька все-таки женила на себе Сашку. Теперь он работает в шахте, а она, беременная, встречает его из забоя, чтобы по дороге домой он не напился до зеленых чертей.

Уезжая, Бэлла забрала из своей квартиры только фотографии – свои, мамы с папой, Люсины и последнюю – мама стояла, обняв памятник отцу. Нина поставила его на последние деньги и через неделю умерла.

Все деньги, что Бэлла привезла для матери, она оставила Люсе.

– Это тебе, Люся, за похороны и за внимание к маме. А ключи от квартиры оставь себе, пригодятся. Займись оформлением квартиры, я ее на тебя отпишу. В Прокопьевск я не вернусь.

– А чего мне? – спросила для порядка радостная Люся. – Хотя да, родственников у вас нет. А у меня племянник с сестрой разругался вдрызг и хочет ко мне переехать. А мне, сама понимаешь, все еще погулять хочется в свободное от работы время.

– Родственников у меня здесь нет, – согласилась Бэлла. – А ты все-таки со мной полдетства провела.

– Надо же, как жизнь поворачивается, – опечалилась пьяненькая Люся. – Мамка твоя идеальная померла, а я, шлюха последняя, и магазин на заработанные деньги прикупила, и квартирку ее притырила. Несправедливо.

После возвращения в Москву Бэлла стала с мужем еще ласковее. Она, как губка, впитывала манеры, вкус, традиции профессорской семьи. Бэлла и не догадывалась

тогда, что мужчину и женщину может соединять не только благодарность и взаимовыгодный союз, но и всепоглощающая страсть...

Эдик встречался с Бэллой каждый день. Оба знали, что рискуют. Но предвидеть скорую трагедию не мог никто.

Глава 11

В Москву пришла осень. Солнце почти не показывалось на сером небе. Листьев на деревьях с каждым дождем становилось все меньше и меньше.

Завтра из Америки должен был вернуться Олег. Бэлла даже не догадывалась, что он договорился с сыном сделать ей сюрприз – приехать на день раньше.

На машине отца Марк приехал встретить его в Шереметьево. Одетый с иголки в вещи, купленные на Пятой авеню в Нью-Йорке, Олег выглядел сногшибательно для шестидесятилетнего мужчины – настоящий денди, хотя двенадцатичасовой перелет достался ему тяжело. Олег предвкушал встречу со своей Бэллочкой. Ему так не хватало в командировках ее обожания и безоговорочного послушания.

– Сынок, давай сначала заедем за цветами.

Они купили цветы, шампанское и французские пирожные.

Марк открыл дверь своим ключом и крикнул в глубь квартиры:

– Мама! Смотри, кто приехал...

Отец зажал ему рот.

– Тихо! Ведь это сюрприз.

На цыпочках Марк прошел к родительской спальне и распахнул дверь...

Перед глазами отца и сына предстала поразительная картина – два сплетенных тела на широкой семейной кровати. Олег оттолкнул сына от дверей со словами:

– Ты ведь знаешь, что без стука к нам не входят.

Ничего другого в этой ситуации он произнести не мог.

Бэлла разжала объятия и отодвинулась от Эдика. Ее лицо стало белым. Обращаясь к нему, она спокойно сказала:

– Любимый, наступил час расплаты.

После чего встала с кровати, накинула халат и только тогда посмотрела на мужа. Перед ней стоял униженный, раздавленный человек, в глазах его блестели слезы. Сейчас Олег действительно выглядел на свои шестьдесят лет. Вся его молодость и энергия были уничтожены тем, что он увидел.

Закончилась сказка с провинциальной принцессой, пришел конец обожанию и подчинению.

Олег закрылся у себя в кабинете.

В это время из спальни вышел одетый Эдуард.

– Я знаю, Марк, что потерял все.

Они стояли друг напротив друга в холле. Яркий солнечный свет струился из стеклянных дверей гостиной, но солнце зашло в тучу, и в холле стало темно и тревожно.

– Я ее люблю! – тихо сказал Эдик, понимая бесполезность оправданий.

И в эту секунду за дверью кабинета Олега раздался выстрел.

Марк, Эдик и вышедшая из спальни Бэлла замерли, по очереди глядя друг на друга.

Первой очнулась Бэлла, она метнулась к двери кабинета, дернула ручку.

– Олег! Олег! Не дури! Открой!

Марк отодвинул мать, отошел от двери на три шага и с разбегу вышиб ее плечом. Та не вылетела, просто хрустнул замок.

Марк вошел в кабинет и тут же вышел.

– Эд, уйди, пожалуйста. Мама, тебе туда не надо. Я сам позвоню, куда нужно, – совершенно спокойно сказал он. – Тебя, Эд, это горе не касается.

Следующая неделя была очень тяжелой для Эдика. Бэлла не звонила, Марк не ходил в институт. Но дальше было еще хуже.

В пятницу утром бабенька не встала приготовить завтрак. Открыв дверь в ее комнату, Эдик все понял. Она как будто спала, отвернувшись к стенке. В комнате стояла тишина.

Хоронили бабеньку только Эдик и соседка-пьянчужка, которая надеялась попасть на поминки, не понимая, что их не будет. Просто их не для кого было устраивать, так как ни друзей, ни родственников, ни знакомых у бабеньки в Москве не было.

Опустив голову, Эдик стоял у могилы с единственным венком и думал: «Какая ирония судьбы!..» Всего несколько месяцев, как бабенька стала жить «барыней». Только месяц назад он сделал ей новые зубные протезы. Она тогда еще сказала: «Теперь и умереть можно, у меня есть красивые зубы».

Эдик вдруг подумал: «Как же я забыл положить ей в гроб новые протезы? Они так и остались лежать на тумбочке у ее кровати в стакане с водой...»

Его мысли перебила соседка, мечтающая похмелиться:

– Слышь, Эдик, помянуть надо бабку, положено.

– Да. – Он протянул спившейся женщине пакет. – Спасибо за внимание и помощь. Поминок не будет, а это вам.

Соседка заглянула в пакет. Там лежали бутылка водки, банка шпрот и полкило вареной колбасы.

– Только я хлеб забыл купить.

– Эдик, дорогой мой, на хлебушек и водку у меня завсегда денюшка есть. – Соседка перекрестилась и поклонилась могиле. – Спи, Фаичка. Хорошая ты была женщина, хоть и еврейка.

Эдика это покорило, и он первый ушел от могилы.

В воротах кладбища Эдик столкнулся с пышной похоронной процессией и увидел свою

Бэллу. Одетая во все черное, она выглядела потерянной. Больше всего ему хотелось подбежать к ней и обнять... Но он не посмел.

Вечером в своей квартире Эдик метался из угла в угол, как раненый зверь, повторяя одно и то же:

– Я должен заработать миллионы. Я должен обеспечить своей любимой женщине достойную жизнь. И если вдруг я когда-нибудь увижу свою мать, я должен ей доказать, что и без ее помощи состоялся как человек.

И как это всегда бывает, в этот момент раздался телефонный звонок.

– Сынок, как дела? – весело спросила мама Зина.

Эдик был не готов разговаривать. Он поймал себя на мысли, что у него нет никаких добрых чувств к женщине, которая считалась его матерью. Он резко ответил:

– Бабенька умерла. Сегодня я ее похоронил. Еще вопросы есть?

– Мой мальчик... – В голосе Зины на мгновение появилось сочувствие. – Я постараюсь прилететь как можно скорее.

– Я не мальчик и прилетать не нужно. Всего хорошего. – Эдик положил трубку.

В час ночи снова раздался звонок. Эдик знал, что это Бэлла.

– Больше никогда не приходи ко мне!

Только теперь, поняв, что потерял трех женщин сразу, он разрыдался.

Глава 12

Пришло время выбирать специализацию, и Эдик метался между иммунологией и пластической хирургией. Он поделился своими сомнениями с живущим в Израиле Димкой, и тот, приняв близко к сердцу проблему друга, как всегда тщательно, изучил сотню специальных статей.

– Читай сюда, шлемазл от медицины, – писал он по e-мейлу. – Пластическая хирургия – это всегда хорошие деньги, но при нашем общении я не заметил у тебя особой тяги к хирургии. А вот за иммунологией будущее. В этой отрасли можно сделать серьезные научные открытия и заработать деньги.

Послушав совет друга, Эдик полностью погрузился в теорию и практику иммунологии.

Через полгода Димка предложил простую и безотказную систему расширения бизнеса Эдика – организовать фирму в Израиле.

– Народ валом валит из совка на историческую родину, и не все они абсолютно здоровы. У нас, Эдька, неважно обстоит дело с деньгами, и мама тоже хочет заняться патронажем, основать свою фирму. Это я ей посоветовал. Тебе тоже выгодно передавать своих отъезжающих пациентов прямо в наши руки. А мы тебе будем пересылать лекарства на основе солей Мертвого моря и другие препараты. Если мы не полные идиоты, пора зарабатывать серьезные деньги.

Эдик принял идею Димки на ура и начал налаживать контакты с таможней, чтобы без проблем получать из Израиля новые лекарства.

Четыре года Эдик посвятил учебе и своему бизнесу. Он создал четкую структуру на фирме, снял хороший офис, сам отслеживал базу данных клиентов и назначал

руководителей отделов, общался с очень большим количеством людей... Но ни с кем не откровенничал. Отдушиной была интернет-переписка с Димкой.

Учеба в институте заканчивалась, студенты, уже практически врачи, рассылали свои резюме по известным клиникам, медицинским институтам и научным центрам. Эдик, уверенный в своих силах и знаниях, отбросил ненужное в данной ситуации стеснение и обратился не только в российские, но и во все мировые центры.

Неожиданно для всех, и особенно для самого себя, он получил приглашение в интернатуру в Америку, в Центре иммунологии.

Марк тем временем увлекся восточной медициной, согласно которой каждый орган человеческого тела обладает особой энергетической силой, и если нарушается баланс между силой притяжения и центробежной, может сбиться баланс организма. Он понял, что из-за этой пока неведомой ему борьбы лечение не всегда заканчивается исцелением.

Он продолжал изучать анатомию и патологическую анатомию и в конце концов выбрал специализацию – стал патологоанатомом.

Воспаленное воображение и неудовлетворенная юношеская сексуальность привели его к парадоксальной идее – созданию своего музея самого энергетического органа человеческого тела. Поскольку женские тела его не интересовали, наиболее ярким символом энергии для него стал фаллос. У него будет свой музей фаллосов!

И материал всегда под рукой, то есть под скальпелем.

Марк начал ампутировать фаллосы у мертвых мальчиков и мужчин в последнюю минуту, когда тело уже обряжали перед захоронением. Не у всех, а в особо интересных случаях: либо когда налицо была патология с размерами, либо с конфигурацией, либо – что представляло особый интерес – с искусственно вживленными компонентами.

Сотрудники – бальзамировщики, санитары, косметологи и особенно уборщицы – считали Марка странным. И, когда он внезапно запирался в прозекторской, никто его не беспокоил. А ему на «операцию» требовалось не больше трех минут.

Остающиеся кавернозные полости он моментальной наполнял глицерином, фаллосы бережно помещал в специальные медицинские банки с формалином. Их Марк нес домой и прятал на антресолях в своей комнате, а в отдельную папку подшивал «биографию» объекта и описание патологии.

О своей нездоровой страсти он никому не говорил – боялся, что или заберут банки с драгоценным содержимым, или запихнут его в психушку.

Занятая своими проблемами, Бэлла ничего не замечала.

На церемонию вручения дипломов Марк пришел с матерью. Ему нравилось, что на нее, стройную, эффектную, обращали внимание.

На руках Бэлла держала маленькую девочку трех лет. Малышка была необычайно милая, с большими темными глазами, румяная, с длинными, жгуче-черными локонами.

Эдик, вздрогнув при виде Бэллы, подумал: «Надо же, как быстро она оправилась, забыла и наш роман, и потерю мужа. Ребенка родила...»

Впервые за последние годы Марк подошел к Эдику.

– Хай, Эд, поздравляю с окончанием института. Ты уже не такой шлемазл, каким был шесть лет назад. Звони, пообщаемся. Ну, бай.

Рядом с Марком стоял невысокий бледный юноша с голубыми глазами. В том, как Марк взял его под руку, было что-то противоестественное – слишком плавно и нежно это было сделано. Эдик все понял, и на минуту ему стало неприятно, но он всегда ценил дружбу с Марком. В Москве он был его единственным близким знакомым, другие друзья так и не появились. Постоянных женщин после Бэллы у Эдика не было, случайные связи ничем не оканчивались, он не хотел серьезных отношений.

Когда Марк с юношей отошли в сторону, прямо перед Эдиком оказалась Бэлла с дочкой на руках. В воздушной блузке, юбке ниже колен, Бэлла была похожа на ожившую статую Девы Марии.

Эдик вдруг ощутил свою потерю и страстную, все еще не угасшую любовь к этой женщине. Он, стараясь не споткнуться о ровный паркет, подошел ближе.

– Здравствуй, Бэлла. Как зовут дочку?

– Эдит, – ответила она и посмотрела ему прямо в глаза.

– Имя французское. В честь кого?

– Нет, не французское... В честь тебя.

Задохнувшись от внезапной догадки, Эдик внимательнее всмотрелся в милое лицо очаровательной девочки. Та, смутившись, улыбнулась.

Эдик схватил руку Бэллы, поднес ее к губам:

– Так ты меня еще любишь? Это мой ребенок? Она моя дочка?

Вздыхнув поглубже, чтобы не расплакаться, Бэлла кивнула.

– Твоя.

– Марк отомстил мне, Бэлла, не сказал, что у меня родился ребенок... А теперь он меня, кажется, простил.

Вокруг троицы сновали студенты, их родители, преподаватели, еще какие-то люди.

Бэлла смотрела на Эдика с любовью и надеждой, а он ощущал себя счастливым оттого, что теперь не один – у него есть Бэлла и дочь!

Девочка завертелась на руках матери, и та спустила ее с рук. Эдик присел на корточки перед Эдит.

– Девочка моя!

Спрятавшись за материнскую юбку, Эдит весело смотрела на незнакомого красивого дядю.

Встав, Эдик оказался совсем рядом со своей богиней.

– Что мне сделать, чтобы вернуть вас, Бэлла? О господи! Я ведь через две недели улетаю в Америку на работу... Я должен вас забрать!

Устало-счастливо улыбаясь, Бэлла провела рукой по руке Эдика.

– Ты очень торопишься, Эдик! Я к этому еще не готова! Хотя... может быть, уехать – это лучший выход из нашей ситуации.

– Мы должны сейчас же уехать отсюда втроем, – решил Эдик. – Поехали ко мне, любимая.

Он подхватил малышку на руки и начал быстро пробираться сквозь толпу к выходу. Эдит, видя, что мама спокойна, и чувствуя, что незнакомый дядя не сделает ей плохого, обняла его за шею.

Глава 13

Десять дней пролетели в сумасшедшем ритме.

Рассчитавшись с хозяйкой съемной квартиры, Эдик переехал к Бэлле. Марк и до того редко появлявшийся в доме, спешно отправился к своему очередному приятелю на дачу, но ежедневно приезжал помочь по мелочам. Нужно было спешно закончить дела с продажей фирмы и с загсом.

За фирму дали приличные деньги, ее купил профессор кафедры хирургии. Он знал от студентов об их подработке и сам подумывал о подобном бизнесе.

С оформлением документов в загсе трудностей вообще не возникло – пятьсот баксов, и свидетельство о заключении брака вынесли прямо к машине. Свадьбу не праздновали, было некогда.

Решено было, что в аэропорт Бэлла и Эдит не поедут, долгие проводы – лишние слезы.

Проводив Эдика до двери, Бэлла забрала к себе в кровать Эдит и читала ей сказки, пока не заснула. Разбудил ее телефонный звонок.

– Любимая, я в Америке.

– Я по тебе скучаю, Эдик. Буду ждать встречи.

Положив трубку, Бэлла встала, поправила одеяло у дочки. Пора было приготовить полезную кашку для себя и Эдит, загрузить стиральную машину бельем, протереть полы в огромной квартире.

Занимаясь хозяйством, Бэлла вспоминала те четыре года, что прошли со смерти Олега.

Самоубийство человека, к которому она привыкла за двадцать лет совместной жизни, и угнетающее чувство вины из-за его смерти выбило Бэлла из колеи почти на месяц. Отвлек ее от мрачных мыслей только начавшийся тяжелейший токсикоз. Известие о беременности ее не обрадовало и не огорчило – пусть будет как должно быть. От кого ребенок, она знала точно: с мужем Бэлла избегала близости, как только впервые оказалась в объятиях Эдика.

Следующие месяцы привели к полному отчуждению с Марком. Он, привыкший к вниманию, к тому, что мама, если не готовила сама, то заказывала еду в ресторане, что в доме всегда есть деньги и он не знает ни в чем отказа, теперь обиделся на Бэлла. Она позволила себе плохо выглядеть и не давала денег.

Забывшая, что такое собственный заработок, она с трудом переживала полугодовое безденежье до момента, когда можно было получить наследство по завещанию. Жила на скромные «декретные» выплаты и на то, что изредка давали Марку в клинике отца. Но денег все равно не хватало, и она продала дачу, которую не очень любила. Продавать драгоценности и антиквариат Бэлла отказалась категорически.

Она теперь думала о себе и будущем ребенке гораздо больше, чем о сыне, который учился средненько, а вот тратить деньги любил в больших количествах.

Просидев три месяца «на голодном пайке», Марк все-таки устроился в отцовскую клинику лаборантом.

К неудовольствию Марка, рассчитывающего на часть наследства, оказалось, что отец два года назад написал завещание: деньги Марк мог увидеть только после двадцати трех лет, «достигнув сознательного возраста», как уточнил нотариус при зачитывании документа.

Бэлла сказала сыну, что теперь он может оставлять себе всю зарплату лаборанта и стипендию. Кормить она его будет, но на деньги пусть не рассчитывает. Бэлла беспокоилась, что сын пристрастится к алкоголю, но опасения ее были напрасны – он всегда больше тратил на друзей, чем на себя. И тут Марк столкнулся с тем, что теперешние его проблемы мало интересуют приятелей-собутельников. В ресторанах бесплатно никто не кормил, в клубах выпивку никто не оплачивал.

В ночь родов Бэлла проснулась от тянущей боли в животе. Тут же она почувствовала влажность между ног и поняла, что отошли воды. Встав, она накинула безразмерный халат и, некрасиво раскорячившись, дошла до комнаты сына.

– Марк, проснись, – затормошила она его.

– Как же ты мне осточертела, май мазер, – Марк повернулся к Бэлле и посмотрел на нее.

Бледная, со свалывшимися волосами, с огромным животом, измученная, она утратила всю свою привлекательность. Прежняя нежность, которую сын всегда испытывал к ней, мгновенно вернулась.

Наскоро одевшись, он помог Бэлле обуть на опухшие ноги сапоги, накинул на ее плечи пальто, не сходявшееся на животе, бережно взял под руку и повел к машине, которую в течение недели предусмотрительно оставлял около подъезда.

В роддоме Бэлле сразу повезли в операционную. Марк принялся слоняться по длинному коридору.

– Папаша! – окликнула его через несколько часов медсестра. – У вас дочь! Пятьдесят один сантиметр, два килограмма шестьсот граммов! Родильница в реанимации. Идите спать! Завтра принесите соки и минеральную воду. Через неделю ваших девочек выпишут. Не загуляйте!

Марка охватило такое чувство гордости, как будто он на самом деле стал отцом. Он приехал домой, по пути заскочив в магазин за водкой и пельменями, и сел праздновать. Поделиться радостью было не с кем, так что бутылку он выдул в одиночестве. На душе стало светлее. В семье появился здоровый ребенок, непонятная ситуация разрядилась. Жизнь изменяется, и наверняка к лучшему.

Марк забирал Бэлле с огромным букетом цветов. Ему вынесли малышку в розовом атласном стеганом конверте с пышными кружевами и вручили с недвусмысленным напутствием:

– Принимайте пополнение, папаша. Следующий раз за мальчиком придете!

– Спасибо, девушки! – Бэлла, улыбаясь, отдала врачу и медсестрам деньги. – Это мой старший сын, помощник.

С удовольствием отметив удивленные взгляды, Бэлла забрала у Марка девочку и пошла к машине. Ей польстило замечание о молодом муже. Значит, она еще неплохо выглядит. Больше всего на свете Бэлла боялась морщин, старения кожи, тусклых волос. Но, как

часто бывает, гормональный всплеск от беременности почти в сорок лет омолодил ее организм.

Марк не бросил ни учебу, ни подработку, но вечерами домой не приходил по другой причине. Он опять начал бегать на вечеринки, ходить в театры и клубы – тяготы семейной жизни и роль старшего брата были не для него. Имелась еще одна причина – он окончательно понял, что не такой, как все мужчины.

Психологическая травма, которую нанесла ему любимая мамочка, окончательно сместила его сексуальные приоритеты. Ему больше нравилось общаться с парнями, чем секс с девушками.

А вот сестру Марк любил и с удовольствием наблюдал за маленьким чудом. Смотрел, как Эдит раздувает крохотные ноздри, складывает губки трубочкой, кряхтит. Его завораживало, когда мама купала малышку, меняла ей памперсы, кормила. Но, несмотря на то, что он был почти врач, Марк боялся прикасаться к девочке.

Занималась Бэлла домашним хозяйством и уходом за дочерью машинально. Свободное время она проводила перед телевизором и иногда читала. Обширную библиотеку в доме Олега до сегодняшних дней Бэлла воспринимала как часть обстановки. Когда забеременела и вышла замуж, времени на чтение не хватало. Сейчас она восполняла пробелы образования: Пастернак, Бальзак, Диккенс, Мопассан, Драйзер, Джек Лондон, Толстой, Булгаков, Достоевский...

Постепенно Бэлла подменила реальную жизнь книжной, которая заполняла пустоту вокруг. Знакомые мужа не хотели с ней общаться, с работы, из клиники, где она раньше появлялась раз в две недели, никто не звонил. Марк с ней почти не разговаривал, Эдит была еще маленькой.

Так прошло три года – без праздников, друзей, мужчин. Только дом, книги, телевизор и дочка.

Как-то за ужином Марк напомнил, что у него через три месяца выпускной вечер.

– Пойдем, мамуля. Хватит тебе сидеть дома визаут пипл[11 - Без людей (англ.)]. Почти у всех придут родители, все-таки диплом, повод выпить и показать наряды.

– У тебя ужасное произношение, – машинально заметила Бэлла и тут же встала. – Помой сегодня посуду.

Быстро пройдя в спальню, она догола разделась перед зеркалом, и ее охватила паника. Живот не большой, но и не маленький, грудь немного опустилась, кожа далеко не идеальна... Талия еле вырисовывается, ноги и попа в начинающемся целлюлите. А лицо!.. На лбу ниточками нарисовались две морщинки, проявились носогубные складки, наметились бульдожечьи щечки, под глазами набухли мешочки.

А вдруг... Скорее всего, этого не случится... Но вдруг!.. Эдик. Молодой, стройный, отец ее ребенка, любовь ее жизни, будет там?.. Надо действовать!

Она нашла телефон пластического хирурга Григория Израилевича Госенбаума, которого знала по работе в клинике, и записалась на вечернюю консультацию.

Профессор Госенбаум назначил пластику живота и груди через три дня, а также сказал, что сразу сделает блефаропластику и «подколет красоту» в носогубные складки.

Сыну Бэлла сказала, что на две недели уедет к подруге, отдохнет от «счастливой семейной жизни».

– Можешь на это время взять отпуск за свой счет, я заплачу тебе в два раза больше.

Все-таки ты врач и родной человек.

Поморщившись, Марк посмотрел на Бэллу неприязненно.

– Твои проблемы, май мазер, ты и решай. Найми няню и пусть заодно готовит мне есть. Если ты не заметила, я с трудом общаюсь с живыми пациентами. Я не могу ухаживать за Эдит.

Вообще-то Бэлла рассчитывала на Марка. Эдит ходила в детский сад, где детей с полутора лет учили английскому и французскому языкам, хорошим манерам, где был бассейн, в общем – в VIP-садик. Забирать девочку нужно было в шесть вечера, а в девять она ложилась спать. Забота не слишком обременительная. Теперь выясняется, что на Марка надежды никакой.

Через знакомых она нашла няню – симпатичную женщину сорока лет из Белоруссии, бывшую учительницу младших классов. Няня очень обрадовалась возможности пожить в роскошной квартире, на хозяйских харчах, да еще и деньги за это получать. И девочка ей не очень мешала.

Очнувшись от наркоза, Бэлла почувствовала, что в глаза впиваются тысячи иголок. Открыть их она не могла, ощупав лицо, наткнулась на повязки на глазах, побоялась повредить и закричала: «Эй! Кто-нибудь!» – колотя руками по простыням больничной кровати.

– Не волнуйся, подруга, – рассмеялся голос профессора. – Я рядом, все в порядке. Тебе положили на глаза лед. После блефаропластики веки травмированы, но минимально. Сейчас снимем лед, а вечером повязки.

Морально подготовившись к боли, на тянущие швы в области живота и груди Бэлла почти не обращала внимания, терпела.

Целых две недели ее кормили овощными пюре, протертым постным мясом и творожком с курагой. За время, проведенное в клинике, она похудела на семь килограммов.

Домой Бэлла вернулась через две недели, держась за стенку, с огромными синяками на лице. Когда Эдит кинулась матери на шею, та от боли потеряла сознание. Няня заверещала: «Убили!» Дочка расплакалась. К счастью, Марк был дома и привел Бэллу в себя.

– Что случилось, мама? Где тебя так избили? Звонить в милицию.

Бэлла поцеловала Эдит и Марка, поднялась с пола.

– Нет, мой мальчик. Я провела время не в пансионате, в клинике, сделала четыре пластические операции. Помоги дойти до спальни.

– Какие операции? – не успокаивался Марк, поддерживая Бэллу.

– Я постеснялась тебе сказать, сыночек. А еще боялась, что тебе на меня жалко денег.

– На это не жалко, – уверил Марк, помогая Бэлле встать. – Я люблю, когда ты красивая. А сколько это стоило?

Бэлла внешне расцветала с каждым днем, хотя депрессия не отступала. Госенбаум забыл ей объяснить, что любая пластическая операция сопровождается подавленным состоянием. Очень важно справиться с эмоциональным стрессом и принять себя обновленной.

Информацию об этом она нашла в Интернете, там же подобрала себе диету и похудела еще на шесть килограммов. Бэлла обрела великолепную форму, плюс начала ходить на фитнес, пока Эдит была в детском садике. Через месяц к ней вернулись сексуальность и жизненная энергия.

Глава 14

Димка всегда подробно писал Эдику о своей жизни.

Постепенно древняя культура Земли обетованной, особенно Иерусалим, влились в его кровь, и он впервые в жизни ощутил причастность к великой нации. Но в быту девяностые годы не радовали... Отсутствие культуры общения, по молодежной моде полуспущенные штаны, открывающие половину трусов, горластые выходцы из Марокко, заплывающие семечками автобусы, привычка сидеть на асфальте в грязи и есть все руками... Димку, воспитанного в сдержанном Вильнюсе, мамой-доктором, а раньше бабушкой-доктором, это коробило.

Сначала он попал в танковые части. В те времена с дисциплиной там было не очень, бывали случаи воровства.

Когда он сообщил матери, что у него украли второй рюкзак с личными вещами, Галя всплеснула руками:

– Ты такой же шлемазл, как твой Эдик!

Это слово волшебной силой связывало Димку с другом.

В армии у него появились приятели, но друга не было. Никому, кроме Эдика, он не мог рассказать, как его забыли в пустыне во время учений, и он, подвигнув ногу, весь день полз по колючему песку в тридцать пять градусов жары, а потом у самой части потерял сознание от теплового удара и обезвоживания; как тяжело в сорокаградусную жару ходить в форме и в тяжелых ботинках; какое он получил оружие и как его изучал.

А еще он писал о военных действиях, о ранах, моментально загнивающих при жаре и совсем не скорой «скорой помощи».

Потом случилась беда. Диму послали разгружать тяжелые ящики, и один из них упал на него, от удара сместился спинной диск, и ему снизили военный профиль. Но нет худа без добра – его перевели в штаб, он получил относительную свободу и теперь ночевал дома, читал книги, продолжал учиться, увлекся теоретической медициной. Появилось время для личной жизни.

Девушки видели в Диме друга, а сексом занимались с другими парнями. Так продолжалось до тех пор, пока он не встретился с Анной. Диме казалось, что это любовь, но на самом деле это был юношеский сексуальный голод. Аня с удовольствием провела с ним пару жарких вечеров и заскучала.

Но после Ани табу на секс было снято, и пошли Нелли, Ребекки, Анаты, Людмилы, Керены и так далее. А вот любви не было. И Димка решил плотнее заняться учебой и работой. Вскоре ему пришла в голову идея исследовать иммунную систему по электромагнитным показателям – ЭКГ и энцефалограмме, но не по отклонениям в графическом изображении, а именно по уровню. До этого никто не обращал внимания и не связывал показатели крови, указывающие на иммунодефицит и электромагнитные изменения. Новые сравнения сделали возможной предельно раннюю диагностику онкологических заболеваний, а клинические исследования гораздо подешевели.

В жизни Галины произошли изменения – она встретила и полюбила вдовца по имени Иосиф, Йося. У израильтянина Йоси было двое детей-подростков, тринадцати и пятнадцати лет. Димина сестра Лена сразу нашла с ними общий язык, легко упрасивала

их сделать то, что ей было выгодно, – сходить в магазин, повесить белье, убрать в доме.

Через некоторое время у Галины начались проблемы – безденежье, долги, ей стало трудно платить за Ленино обучение.

Именно тогда Дима рассказал матери о бизнесе Эдика. В Израиле очень много выходцев из России. Среди них немало пенсионеров, инвалидов, ветеранов различных войн, жертв холокоста. Им необходима помощь сиделок. Что, если пациентам, уезжающим из России, Эдик будет рекомендовать фирму, которую Дима, мама и Иосиф, откроют здесь.

Подтвердившая в Израиле свой диплом врача Галя загорелась новой идеей. Она тут же стала пробивать лицензию на занятие патронажем и оформлять кредит для организации фирмы.

Вся семья впряглась в работу. Даже дети Йоси, Арон и Йегуда, помогали тем, что принимали заказы и распределяли время сиделок.

Галина начала выезжать к пациентам как терапевт, Иосиф работал шофером, развозил сиделок и специалистов. Заказов становилось все больше, стали нанимать новых людей.

Очень помогали советы Эдика – ведь он уже прошел стадию становления фирмы. Он делился не только медицинским, но и организационным и юридическим опытом.

Работа Галины и Йоси, подработка Димы, понимание и помощь со стороны Арона и Йегуды сделали свое дело. Семья вылезла из нищеты, перешла в средний класс.

Через три года Димка решил осуществить свою мечту – уехать в Америку.

Оказавшись один в чужой огромной стране, Димка поначалу растерялся. Ощущение свободы пьянило. Ему хотелось все попробовать, все купить, посмотреть все спектакли на Бродвее, отведать все блюда в престижных ресторанах, танцевать ночами в клубах, любить, жить.

Именно в Америке Димка оценил выражение «мирная жизнь». В семнадцать лет, как только переехал в Израиль, он узнал, что такое опознание тел после террористических актов, что такое прийти к матери солдата и сказать, что ее сын умер от потери крови после ранения. С товарищами по танковой части он неоднократно стоял на кладбище и слушал страшные прощальные залпы в воздух в честь погибшего.

А в Америке можно было спокойно планировать свое будущее.

Мама не скупилась и переводила на его счет приличные суммы, рассчитывая на расширение семейного бизнеса и компенсируя свое невнимание, возникшее из-за появления в ее жизни любимого мужчины.

Димка снял хорошую квартиру, купил двадцать офисных рубашек, пять костюмов, десять галстуков и несметное количество обуви, забив ею целый шкаф. Он упивался доступностью дорогой одежды, развлечений и общением с новыми знакомыми. Это затянулось на три месяца.

«Наевшись» свободы, он, как и обещал любимой маме, начал налаживать бизнес.

Галина прислала список людей, которые могут стать полезными в медицинских кругах, среди чиновников или в получении кредита.

Бизнес занимал до двенадцати часов в день, но Димка не жаловался. Ему понравилось руководить, давая возможность заработать сотням людей. В Америке рынок услуг был практически неисчерпаемым.

Три года прошли в работе, в поисках новых каналов бизнеса и... девушки своей мечты.

Известие о приезде Эдика в Америку Димка воспринял как провидение Господне.

Как он ждал друга! Ведь они не виделись почти восемь лет. Хотелось взаимопонимания и теплых вечеров с детскими воспоминаниями.

И еще хотелось познакомить Эдика со своей девушкой, которая наконец-то соответствовала его мечтам, хотелось, чтобы она понравилась другу. Как ни странно, Илзе, выбранная им в невесты, была полной противоположностью его маме.

Галя – энергичная, трудолюбивая, умная, стройная, но не высокая, взрывная. Если мама ругалась, то своим низким гортанным голосом пробивала любого до костей.

Илзе – высокая, стройная блондинка с роскошным бюстом, бывшая рижанка. Спокойная, рассудительная, сдержанная. Она служила мелким клерком в банке, где Димка периодически брал кредиты, была в меру сексуальна и очень хотела за него замуж.

Глава 15

Поздно вечером Димка стоял в аэропорту имени Кеннеди среди русскоговорящих американцев, встречающих самолет из Москвы. Он волновался, под мышками было мокро, по спине тек пот, несмотря на то что кондиционер работал исправно.

Плотной толпой начали выходить прилетевшие пассажиры. Димка искал глазами друга, готовый броситься к нему с объятиями.

Все уже вышли, но Эдика не было. Димка решил, что его задержала эмиграционная служба.

– Димка! Димка! – раздалось из толпы.

Димка взгляделся. Молодой высокий и холеный парень, похожий на Эдика, махал рукой, уклоняясь от налетающих на него спешащих пассажиров.

Димка узнал в красавце пассажире старого друга и сделал шаг навстречу, они крепко обнялись.

– Я так соскучился по тебе, Димка! – говорил взволнованно Эдик. – Да! Багаж ждать не нужно. У меня вот сумка и, смотри, кредитные карты.

– Э-эх, ну ты даешь! Модель, Аполлон... – Димка с повлажневшими глазами еще раз оглядел Эдика. – Но все равно ты шлемазл. Сейчас мы поедем ко мне, переночуешь, а завтра посмотрим твой дом.

– Даже не думай! Не представляю, что так быстро расстанусь с тобой. Будем жить вместе, и я оплачу половину аренды дома.

– Нет, Эдик! – твердо сказал Димка. – Моя мама говорит – чтобы оставаться друзьями, надо жить врозь. И она, как всегда, права. Во-первых, скоро приедет твоя семья, а во-вторых, я тоже, может быть, женюсь. Дом у меня, между прочим, не съемный, а свой.

– Это здорово, – посерьезнел Эдик. – И насчет дома, и женитьбы. Я вот теперь не представляю, зачем зарабатывать деньги, если у тебя нет семьи.

Они прошли из здания аэропорта к стоянке автомобилей, освещенной мощными светильниками, напоминающими те, что стоят на футбольных полях. Стоянка была

размером с аэродром, и каждую секунду с разных сторон въезжали и выезжали автомобили, светя красными габаритками или белыми фарами.

Эдик прищурился, оглядывая масштаб аэропорта.

– Круто... Рад, что у тебя все так же – правильно, продуманно и разложено по полочкам. Я тоже в последнее время начал чаще мыть полы и четче считать прибыль.

Пройдя между рядов машин, Дмитрий остановился и с гордостью кивнул на белый джип «БМВ» последней модели:

– Вот мой жеребец. Это в Америке престижно.

– А ты теперь всегда делаешь то, что престижно? – Эдик поудобнее устроился на переднем сиденье.

– Поживешь здесь и поймешь, о чем я говорю, – почувствовав в голосе друга издевку, парировал Дима. – Здесь другой менталитет, ваши новые русские еще только приближаются к нему. Рейтинг твоего бизнеса напрямую зависит от того, как ты одет, где живешь и на чем едешь. Только миллионеры могут себе позволить ездить на самокате и носить драную одежду. Ладно, не об этом. Мама помогла мне купить дом у одного обанкротившегося итальянца. Супердизайн. Сейчас увидишь. Ночью доедем минут за тридцать. Да не спи ты! Смотри, какая это страна – наша Америка. Мы покорим ее и станем миллионерами.

– Остапа понесло, – сонно процитировал Ильфа и Петрова Эдик.

Еле забрезжил рассвет. «БМВ» нес их по просторной набережной. Туман окутал океан, он манил своим темно-серым цветом и казался бесконечным. Чайки, мирно покачиваясь, спали на волнах. Вдалеке от берега виднелись корабли.

– Какие ровные дороги! Как стекло, ни одной, того, чертовой ямки, – восхищался Эдик. – А какие развязки! Какие туннели и мосты! Вот бы в Москве были такие!

Джип остановился на стоянке посреди лужайки у дома из красного кирпича в готическом стиле.

Прямо на пороге Эдик, оглядев трехэтажный современный особняк, выразил свое восхищение всего одним словом:

– Звездец, Димка!

– Устраивайся, осматривайся, – засмеялся друг. – А я пока что-нибудь сварганю поесть.

Эдик еще стоял перед домом Димки, а тот уже открыл холодильник на кухне и начал выставлять на стол коробки и коробочки с закусками, потом достал бутылку водки.

Войдя на кухню, Эдик втянул воздух.

– А я, Димка, жрать хочу.

– У меня выбор большой, мама, как ты знаешь, с детства разбаловала хорошей едой. Когда твои девочки приедут, шлемазл?

Эдик захохотал, достал из кармана пиджака портмоне, из него – фотографии.

– Смотри, какие они у меня красавицы. Приедут через два месяца. Я должен разобраться с работой и с домом. Ты, того, Димка, наливай.

После третьей рюмки Эдик спросил у друга:

– Ты встречался с отцом?

– Да. – Димка закинул в рот маленький кусок жареной рыбки из пакета с китайским фаст-фудом. – Он развелся с твоей мамой через полгода после того, как они приехали в Америку. Твоя мать нашла богатого покровителя, а мой папа живет с какой-то эмигранткой, тоже из России. Что удивительно, воспитывает ее сына. Работает не врачом, а таксистом, не хватило характера добиться лицензии на врачебную практику. Мы встретились пару раз, но говорить было как-то не о чем. Я перестал ему звонить, а сам он этого никогда не делал. Вот и все. А ты хочешь найти маму?

– Нет! – отрезал Эдик.

Больше на эту тему они не разговаривали.

Эдик задержался у Димки только на один день, торопили дела на работе.

В клинике Эдуард прижился сразу. Он привык к одиночеству и в отличие от многих эмигрантов из России не лез в друзья, не расспрашивал о личной жизни и доходах. Он сразу включился в работу, вовремя приходил в лабораторию или в больничный стационар, разговаривал с сотрудниками исключительно по делу, часто оставался еще на два-три часа после работы, делал дополнительные серии опытов.

Через две недели случился первый корпоративчик по поводу дня рождения такого же интерна, как Эдик. На столе не было «моря разлитого» алкоголя и «крутых холмов» закуски – на каждого по две банки пива и толстому квадратному сэндвичу и единственный кексик со свечкой – для именинника.

На вечеринке Эдик продемонстрировал сослуживцам семейную фотографию. Коллеги с интересом ее рассмотрели, показали ему фото своих семей. С этого момента Эдик стал в коллективе своим.

Димка заходил в гости по пятницам и средам, а после трех недель со дня приезда друга решил, что тот адаптировался, и явился в гости не один, а с Илзе.

На Эдика девушка друга произвела впечатление «трески свежей, замороженной». Но она смеялась шуткам Димки, внимательно выслушивала рассказы Эда о его работе и точно знала, что будет с ней и Димкой в ближайшие десять лет. А еще она умела готовить цепеллины!

Вскоре Димка улетел со своей невестой в Израиль, знакомить с мамой, отчимом, братьями и сестрой. Позвонил оттуда и сообщил Эдику, что задержится.

– Мама смирилась, что Илзе не станет иудейкой. Но свадьба у нас будет тут, в Хайфе.

Глава 16

И вот наконец этот долгожданный день настал.

Бэлла появилась в аэропорту бледная и великолепная. Эдит, сидя у нее на руках, терла пухлой ручкой глаза. Эдик подхватил дочь на руки и поцеловал жену.

– Едем, Белка моя любимая, едем в наш дом.

Испугавшись, Эдит заголосила на все здание, и оба родителя бросились ее целовать, чтобы успокоить.

До дома долетели по ночной дороге за час.

Эдик с гордостью показал особняк.

– Это наше с тобой первое жилище в Америке. Нравится?

Бэлла уложила дочку спать и принялась бродить по огромному дому. Ей казалось, что все это происходит во сне. Может быть, из-за резкой перемены климата и разницы часовых поясов?

Здесь не было антиквариата, тяжелых комодов и зеркал в бронзовых рамах. Но было главное – качественная обстановка и немыслимый, по московским меркам, простор.

Сон Бэллы в новом доме был сладким и долгим.

Утром пришел серьезный мужчина сорока с небольшим лет.

– Сергей, – представился он супругам. – Меня ваш знакомый, Дмитрий, прислал. Буду у вас управляющим. За электричеством буду смотреть, за водой. Беседку дострою, вместо сторожа присмотрю. И вообще, по хозяйству.

Жизнь с любимыми женщинами – женой и дочкой, новая, непривычная, но прекрасная – текла с какой-то невероятной скоростью. Напряженная исследовательская работа в клинике в течение дня сменялась вечерним покоем домашнего очага, а позже страстными ночами в спальне.

В выходные, а у Эдика он был единственным – суббота – семья, как принято в Америке, жарила барбекю на заднем дворе дома. Иногда они ездили в Диснейленд, часто ходили в гости к Дмитрию и Илзе. Илзе передвигалась по своему «имению» гордая, потирала растущий живот – они с Димой ожидали мальчика.

Через полгода у них родился сын Джоник.

Бэлла не любила утро в рабочие дни. Эдик уезжал в госпиталь, а Эдит отвозили в детский садик. Убирала дом безмолвная китаянка. Еду привозили всегда готовую, оставалось только разогреть. Дома ели вообще редко, в основном обедали и ужинали в ресторанах.

Когда родители уходили из дома, с малышкой оставалась няня, пятидесятилетняя украинка Ксения Богдановна. Эдик нашел ее в клинике, где она работала нянечкой, хотя по образованию была преподавательницей английского языка. На английском она говорила так же, как и на русском, с чудовищным украинским акцентом. Кроме ее учеников в селе под Вильно, ее никто не понимал.

Не имея собственных детей и соскучившись по оставшимся на Украине родным, которых не видела два года, Ксения очень привязалась к маленькой капризной Эдит. Часто прижимала ее к своей большой груди и шептала: «Доню моя коханая».

Второй ее привязанностью оказался суровый Сергей. Он демонстративно не обращал внимания на Ксению, но ее это не смущало. В Америке душевных отношений между соседями нет, а уж эмигранту тем более общаться не с кем. И куда Сергей денется с подводной лодки? Только в ее постель.

Дома в пригороде Нью-Йорка, как и во всей двухэтажной Америке, украшены цветами всех климатических зон земли. По стенам вьются плющи и лианы, с крыш беседок свисает виноград, во дворе растут вишни, мальвы и акации, и лужайки перед домами засажены кустами роз и заставлены пузатыми керамическими горшками с немыслимым в России разнообразием цветов. Кашпо висят под крышами террас, стоят на ступеньках

лестниц и даже в гаражах.

Цветоводство увлекло Бэлла на ближайшие два года. От услуг садовника она отказалась и с цветами справлялась сама. Ей часто помогали Эдит, Ксения и Сергей.

Следующим увлечением стало украшательство дома – дизайном это назвать было трудно. Она скупала вазочки, подушечки, шкатулки и другие мелочи десятками.

В специализированном журнале Бэлла нашла адрес антикварного магазина, в котором продавались картины в уникальных позолоченных рамах, старинные напольные и каминные часы, гобелены и многое другое. Бэлла, вспомнив Москву и привычный быт, самозабвенно увлеклась антиквариатом, и вскоре их трехэтажное «гнездышко» стало напоминать магазин.

Теперь утро начиналось с того, что Эдик, просыпаясь, безостановочно чихал. Бэлла, чтобы унять аллергию мужа, попросила проходящую домработницу ежедневно стирать пыль со всех старинных изделий. Рамы, картины и подушки Бэлла почистила сама, гобелены отнесла в химчистку.

Бэлла все чаще стала звонить в Москву, Марку. Он радовался звонкам матери, но о работе говорить не любил.

– Да чего ты, май мазер? Работа аккуратная, привычная. Отдыхаю только дома, на коллекцию люблюсь, медитирую.

– Какую коллекцию? – недоумевала Бэлла. – Ты никогда даже марки не собирал.

– Я тебе, мам, как-нибудь потом расскажу... и покажу.

Бизнес у друзей рос и развивался. В дополнение к патронажу они начали новую ветвь – стали выпускать иммуномодуляторы для беременных и кормящих женщин. Этот рынок был неисчерпаемым.

Димка слетал в Китай, познакомился там со столетним фармацевтом Мао Теном и купил у него формулу травяного сбора, укрепляющего организм женщины во время беременности.

Мао Тен стал миллионером от фармацевтики безо всякой рекламы. Его популярность распространилась, как говорят в России, «сарафанным радио». Жена Мао Тена родила пятого ребенка в шестьдесят лет, племянница, лечившаяся от бесплодия в Швейцарии и Италии, забеременела в родном Китае после диеты дяди и травяных настоев.

Настои для повышения рождаемости в Китае не так востребованы, как в странах Европы и в Америке. Именно экспорт сделал Мао Тена богатым человеком, хотя он, как истинный философ, стремился к достатку, но не к богатству.

Часто Эдик и Димка с супругами и детьми отдыхали на Багамах, на Бали. Они объехали всю Европу. Такие поездки для друзей были высшим наслаждением, а для их жен – мучением – Бэлла и Илзе не очень любили друг друга, часто соперничали.

Этим летом они вчетвером полетели в Милан. В аэропорту Кеннеди Эдик сделал Бэлле сюрприз – сообщил, что в Италию прилетел Марк и ждет их в гостинице.

Когда Илзе увидела в холле Марка, целующего Бэллу, она сжала локоть мужа.

– Она целует тот парень, будто они любовник.

– Они с этим парнем еще ближе. Это ее сын, – спокойно ответил жене Дима. – Я же тебе говорил, что он приедет.

– Я думала будет подросток шестнадцать лет. – Глаза Илзе засветились нехорошей радостью. – Она много старшая Эдик!

– Илзе, – Димка строго посмотрел на жену. – Не лезь в их отношения.

Ночью, уже в кровати, Бэлла разрыдалась – напряжение и волнение от встречи с сыном вызвали волну эмоций.

– Я бы так хотела, чтобы Марк жил в Америке... – немного успокоившись, сказала она мужу.

– Пока это невозможно. Я не хотел тебе говорить... – Эдик замаялся. – У Марка большие неприятности. На вашей квартире в Москве был обыск.

– Нашли наркотики? – ужаснулась Бэлла.

– Нет, дорогая... Я не знаю, как тебе сказать... Ты что-нибудь знаешь о его... увлечении?

– Ты спрашиваешь о том, знаю ли я, что Марк гей?

Эдик, нервничая, тер ладони и тонкий шрам на носу.

– Нет, я не про это. Страшнее.

– Что может быть страшнее? – не понимала Бэлла.

– Он ведь работает патологоанатомом... Так вот... – Эдик решился и выпалил информацию на одном дыхании: – Марк отрезал фаллосы у трупов и собирал свою «кунсткамеру»... У него дома обнаружили двести «экспонатов» в банках с формалином.

Бэлла зажала рот рукой, чтобы не закричать.

– Как это? Марк выглядит нормальным...

– Выглядит. – Эдуард стал злиться. – Мне, Бэлла, стоило огромных денег замять скандал. Пришлось заплатить за справки для регистрации коллекции, мы провели ее как медицинское пособие, аналог «тематического собрания» для написания научной работы Марка. Вроде откупились. Но пока у тебя дома в Москве имеется музей, так сказать, членов, сделать ему визу в Америку невозможно.

Неожиданно для себя Бэлла успокоилась. Она посмотрела в стену гостиничного номера, за которой поселился Марк, и ее передернуло от отвращения.

– Боже, Эдик, какая я все-таки эгоистка... Я тебя люблю больше, чем собственного сына. Это несправедливо по отношению к Марку.

– Но он взрослый, самостоятельный человек. – Эдик нежно погладил жену, как маленькую, по голове. – Ты психолог, хотя давно в прошлом. Согласись, что самоубийство Олега, его отца, тоже не совсем нормальная реакция на то, что тогда произошло... Самоубийство – это на девяносто процентов нежелание решать проблемы или бороться с комплексами, это уход от реальной действительности, безнадега. У Марка произошли какие-то психические изменения... Тогда или позже, не знаю. Мы ему поможем. Я сделаю все, что смогу.

– Спасибо, любимый!

Бэлла обняла Эдика и, чтобы успокоить себя и его, прибегла к самому действенному способу – принялась его страстно целовать.

Глава 17

Три дня в Милане пролетели незаметно.

Марк был обаятелен, подружился с Димкой, наговорил горячих комплиментов холодной Илзе и очень ей понравился.

Все вместе много гуляли, мало спали, ходили по бутикам и шикарным ресторанам, а вечерами по ночным клубам.

Бэлла крепилась – громче всех смеялась, много танцевала, долго выбирала в магазинах обновки себе и дочери. На самом деле ей было физически и морально тяжело: во-первых, то, что она узнала об «увлечении» сына, стало для нее настоящим шоком, а во-вторых, сорок пять лет – это совсем не двадцать семь, в компании остальных особо не напрыгаешься. Почему-то стало тяжелее дышать после целого дня хождения даже в удобной обуви.

Вернувшись в Штаты, Бэлла всю дорогу от аэропорта домой нервничала, торопила Эдика. Вбежав в дом, она первым делом кинулась к улыбающейся Ксении, встречающей их на пороге.

– Где Эдит, заболела?

– Почему заболела? – успокаивающе заговорила Ксения. – Доча спит, утихой час у ей.

Пройдя в детскую, Бэлла села у кровати и долго смотрела на Эдит.

У наблюдавшего за ними Эдика возникло чувство, что Бэлла устала от Италии, и это его неприятно удивило.

После поездки Бэлла начала чахнуть. За пару месяцев она заметно похудела, волосы потускнели, кожа побледнела. Она стала ко всему безучастной: к дому, сексу, даже к дочери.

Эдик терпел месяц, другой, третий и... сорвался. У него начался роман на работе с ассистенткой Стеллой. Роскошное тело мулатки давало Эдику ту физическую радость и разгрузку, которой он не получал дома.

Однажды после бурного секса в обеденный перерыв Стелла стала ему неприятна, вдруг захотелось подзабытых ласк Бэллы.

Посреди рабочего дня Эдик приехал домой. Было три часа дня.

В доме стояла тишина, он даже подумал, что никого нет. Эд прошел в спальню и увидел Бэллу в кровати. Она, свернувшись клубком, лежала под одеялом и смотрела в стену. Эдик наклонился над женой.

– Ты отдыхаешь, любимая?

– Эдик? А сколько времени?

– Три часа дня.

– О боже! – Бэлла подтянула одеяло выше к подбородку. – Я еще не вставала. У меня в последнее время такая слабость... Лежала бы и лежала.

– Не вставай, дорогая. Я быстро приму душ и к тебе.

Разбрасывая одежду по спальне, он разделся, зашел в душ, наскоро помылся и, не

вытираясь, нырнул к ней под одеяло.

Эдик целовал ее всю – от кончиков пальцев ног до маленьких детских ушек. Они долго занимались любовью. Темперамента Эдика хватило на то, чтобы завести жену.

Потом они просто лежали, расслабившись. Эдик продолжал ее ласкать и вдруг нащупал в левой груди уплотнение. Он был великолепным диагностом и испугался, что это может быть злокачественная опухоль.

«Бог решил забрать у меня любимую. Это наказание за измену», – при этой мысли его сковал ужас. Как же он пропустил начало процесса? Ведь видел же, что Бэлла ослабла и похудела.

– Бэлла, когда у тебя появилось уплотнение в груди?

– Я обнаружила его после Милана и боялась тебе сказать. Зачем я тебе без груди?

– Ты мне нужна любая. – Эдик встал с кровати и стал машинально одеваться. – Я люблю тебя. Ты для меня все: мой якорь в море жизни, мой стимул в работе. – Он наклонился к Бэлле и поцеловал плечо, сдерживая дрожь испуга. – Ты мать моей дочери. Ты научила меня этикету и любви, ты вкус радости, ты мой источник вдохновения... – Он, как всегда, когда нервничал, растер ладони и дотронулся до шрамчика на носу. Потом опять наклонился к жене, нежно поцеловал в щеку. Разогнувшись, огляделся, вспоминая, что делал, пока шел тяжелый разговор. Оказывается, он одевался. Подобрал с пола футболку, Эдуард сел на край кровати.

– И потом, зачем сразу думать о плохом? Мысли материальны.

– Да, нужно разобраться, – Бэлла опять накрылась одеялом до подбородка. – На шесть часов я записана к маммологу.

– Я поеду с тобой. – Эдик резко надел футболку.

– Хорошо, только ты успокойся. – Бэлла погладила мужа по руке. – И предупреди Ксению, что нас вечером не будет дома, пусть сама заберет Эдит из садика.

Глава 18

В половине седьмого они узнали предварительный диагноз: аденокарцинома молочной железы. Злокачественная опухоль... И хотя биопсия должна была прийти только через десять дней, сомнений уже не было..

Бэлла и Эдик сидели над нетронутыми тарелками в своем любимом кафе с видом на океан и разговаривали.

– Давай поедem на Багамы, – предложил Эдик.

– Нет, любимый. Мы вдвоем полетим в Москву. Надо оформить часть имущества на Марка. Может быть, я ему помогу разобраться в его проблемах?

– Хорошо. Я позвоню Димке, он будет контролировать бизнес. Но как же оставить надолго Эдит?

– Ксения справится, она очень предана девочке. Я даже ревную, когда малышка ее целует.

Через неделю они прилетели в Шереметьево. Москва радовала морозом и солнцем.

Марк, одетый в бежевое длинное пальто с меховым воротником, встретил Бэлла и Эдика

в аэропорту. Яркий букет в его руках привлекал взгляды всех женщин.

– Привет, май мазер, привет, шлемазл, выглядишь лучше меня. Ну что, в ресторанчике тусанемся?

– Нет! Домой, сразу домой! – От эмоциональной перегрузки, болезни и усталости у Бэллы на глазах выступили слезы, и на сером лице появился лихорадочный румянец.

Эдик жестом показал Марку: «Не спорь».

Они сели в машину и наперебой заговорили о всякой ерунде. Это была общая игра трех близких людей под названием «Ничего страшного не происходит».

Дома эта игра продолжилась. Пока мужчины сервировали стол с закусками, Бэлла осмотрела всю квартиру и подошла к комнате Марка. Сын, почувствовав неладное, вышел из кухни, но не успел ее остановить, и Бэлла распахнула дверь.

На стеклянных полках от пола до потолка – а больше в комнате ничего не было, – в прозрачных банках разной формы были выставлены экспонаты его коллекции.

Сначала Бэлла оцепенела, молча переводя взгляд с полки на полку, затем попятилась к двери.

Уйдя в свою спальню, она легла не раздеваясь на покрывало. Когда пришел Эдик, она заговорила с ним:

– Эдик, счастье мое, я не смогу находиться в этой квартире. И Олег здесь погиб, и... коллекция. Как здесь будет жить Эдит? У нас теперь есть деньги, купи дом, хочу видеть из окна деревья. – И Бэлла провалилась в тягучий, черный сон.

Жилье Эдик присмотрел на Новорижском направлении – хороший дом в престижном элитном поселке. Роскошнее, чем был у них в Америке. Плохо, что соседние дома стояли слишком близко, окна в окна.

Можно было поискать другой особняк, дальше от Москвы и дешевле. Но в квартире на кровати лежала Бэлла и отказывалась вставать. Обещала начать лечиться, когда переедет в свой дом.

Подписывая документы, Эдик впервые в жизни не просчитал до конца возможные затраты – на новые автомобили, страховки, налоги, лечение и ежедневные расходы на продукты и коммунальные услуги.

После всех трат денег оставалось в обрез.

А Бэлла теряла интерес к жизни. Химиотерапию переносила очень тяжело, от еды отказывалась, жила на травяных отварах и чаях Мао Тена. Она потеряла все волосы, кожа стала тусклой. Похудела так, что больше походила на мумию.

Оставшись один на один с любимым, смертельно больным человеком, Эдик понял, что отчаяние сведет его с ума. Он вызвал из Америки Эдит с Ксенией и Сергея.

Получив очередные счета, Эдуард позвонил Марку.

– Нам необходимо встретиться.

– О'кей, не вопрос. У меня как раз выходной. На Тверской есть уютное кафе. В час дня годится?

– Да. Только с одеждой не переборщи, оденься скромнее, не в гей-клуб идем.

– Понял, Эд. Буду как член политбюро – в черном костюме и до синева выбритым.

В кафе Эдуард сел напротив Марка, действительно пришедшего в черном костюме, и без предисловий объявил:

– У меня кончились деньги. Чтобы начать новый бизнес, нужен миллион баксов. Брать кредиты в российском банке – безумие. Мне нужно продолжать лечить Бэллу, содержать дом... Димку я уже «обесточил», он сидит без денег, а у него жена второй раз беременна, ждут двойню. Основной капитал наших фирм мы трогать не можем, он вложен в оборот. Я в затруднении, не знаю, что делать.

Марк смотрел на Эда, парня, которым восхищался несколько последних лет. Сегодня он был одет небрежно – в спортивную куртку, в джинсы и тяжелый вязанный свитер и от этого казался еще моложе. Этот красавец был его другом, отчимом и отцом его сестры. Марк мало кому сочувствовал в этой жизни, но Эду он отказать не мог.

– О'кей. У меня есть план. За нашу с Бэллой квартиру дадут миллион долларов, плюс я нашел покупателя на свою коллекцию. В Амстердаме... Он предлагает полмиллиона опять же зеленых.

– Коллекция уедет из квартиры, и это хорошо. А еще и за деньги... – Эдуард достал сигареты, закурил и смерил своего родственника и друга взглядом, который перестал быть иронично-снихождительным. – А где ты будешь жить, Марк? Зарабатываешь в своей анатомичке копейки.

– Я начал преподавать. Мне хватает. Квартиру я себе сниму.

Длинноногая официантка поставила на стол перед молодыми мужчинами две чашки кофе и две тарелки с чизкейком. Девушка профессионально улыбалась, ожидая жадных мужских взглядов.

Марк посмотрел на нее равнодушно, Эд, оценив короткую юбку, тонкую блузку и чулки до половины бедра, подумал, что девушка или простудит придатки, или начнет чихать и кашлять. Девушка не поняла их взглядов и ушла недовольная.

– Марк, ты думаешь, квартира продается быстро?

– Моментально. В нашем районе бешеный спрос на жилье.

– Отлично. Я хочу возобновить бизнес в России вместе с тобой. Мне нужен помощник, Марк! Черт тебя дери! Из-за Бэллы я не смогу сейчас разорваться.

– Я подумаю. Мэйби[12 - Может быть (англ.)].

Марк раскрыл книжку со счетом, вложил в нее купюру.

– Эд, ты свой кофе будешь?

– Нет, домой пора, что-то душа не на месте, и Эдит все время капризничает, не может привыкнуть к новому дому, а я постоянно в делах... Поеду.

– Я тоже поеду.

Мужчины встали, оставив нетронутыми кофе и чизкейки, и вышли из кафе.

Официантка взяла книжку. Денег было ровно по счету, без чаевых.

– Пидоры, – презрительно скривилась она, после чего взяла с тарелки пирог и

надкусила.

Домой Эдик вернулся окрыленный. Малышка щебетала, Ксения пела. В доме пахло пирогом с капустой и борщом. Эдик поцеловал дочку и пошел в комнату к Бэлле.

В ее комнате стоял полумрак. Здесь доминировал другой запах – пахло лекарствами.

Дежурившая медицинская сестра смотрела на него с испугом. Жена лежала без сознания. Эдик схватил запястье Бэллы и автоматически начал считать пульс – он был нитевидный.

– Она в таком состоянии уже два часа, – заговорила сиделка. – Я выполнила все рекомендации лечащего врача, но ничего не изменилось. Сижу, жду или вас, или врача.

Бэлла не открывала глаза. Дыхание ее было резким и тяжелым. Вдруг во время выдоха появился присвист.

«Она уходит... Уходит моя любовь, моя жизнь... Это агонизирующее дыхание. Остались минуты», – подумал Эдик и позвонил Марку.

– Бэлла... – Дальше говорить он не смог, горло перехватил спазм отчаяния.

– Нет, нет! – закричал Марк. – Я выезжаю!

– Поторопись.

Эдик попросил медсестру выйти, он хотел остаться с женой наедине.

Он взял Бэллу на руки – она была словно пушинка – начал ходить по комнате и баюкать ее, как ребенка.

– Любимая! Помнишь, как я говорил, что хочу умереть вместе с тобой, в один день, а ты сказала, что умрешь первая, что ты старше? А я не согласен! Я не согласен, слышишь, любимая! – По покрытым щетиной щекам текли слезы. Он целовал ее худенькие плечи, облысевшую голову, холодевший лоб. – Я не достоин называться врачом... Я не могу спасти самого дорогого для меня человека... Я не врач!..

Вдруг Бэлла вздохнула, открыла глаза и сказала:

– Ты самый лучший врач в мире! Ты спасешь еще тысячи жизней. Я люблю тебя, родной!

Она вздохнула еще раз, и Эдик почувствовал, что его богиня умерла.

Он положил ее в кровать и полчаса сидел рядом. Не плакал, просто прощался со своей любовью.

В комнату вбежал Марк. Он опоздал.

Глава 21

Откуда Эдик черпал энергию, продолжая бороться за свое существование? Он должен был выжить!

После похорон жены он вплотную занялся созданием новой фирмы.

Марк как-то необычайно быстро продал квартиру и стал его компаньоном.

С коллекцией фаллосов получилось гораздо интереснее. Коллекционер из Амстердама заранее похвалился среди своих «соратников» предполагаемым интереснейшим

приобретением и, соответственно, прекрасным вложением денег. Коллекционер был не единственным сексуально обеспокоенным, нашлись и другие «любители».

На электронную почту Марка пришло предложение устроить аукцион. Коллекцию даже не нужно было вывозить, торги должны были пройти в Интернете.

Демонстрация неограниченных материальных возможностей у покупателей заняла всего пятнадцать минут – с девяти утра до девяти пятнадцати. В конце того же дня к Марку приехали представители покупателя и передали документы, подтверждающие перевод на его счет одного миллиона двухсот тысяч долларов. Марк, которому коллекция поднадоела, обрадовался деньгам и освобождению от своей мании.

Через полгода совместной работы в лабораториях России и Америки Эдик, Димка и Марк создали мощнейший антиоксидант и назвали его «Бэллвите» – в честь Бэллы.

Эта биологически активная добавка на основе китайских и российских трав применялась во время агрессивных методов лечения для улучшения качества жизни пациентов, страдающих онкологическими заболеваниями, и очень помогала им.

Марк перестал снимать квартиру. Ему, как он жаловался Эдику, было тоскливо жить одному, и он переехал жить в дом друга.

Через пару месяцев возникла проблема, о которой молодой вдовец сначала и не думал, – Марк в него влюбился.

Ему, коренному москвичу по отцовской линии, сыну профессора, внуку академика, все доставалось «по щучьему велению», а бытовые трудности казались сложнее биохимии в институте. Оторвалась пуговица – вопрос нерешаем, надо долго просить маму. Потерялся проездной – придется умолять отца купить новый, забыл деньги – остался голодным. До трагедии с отцом он не знал, сколько стоят хлеб, молоко или мясо. Зато Эдик, приехавший в Москву из Литвы, воспитанный в нищей семье, бытовые и финансовые вопросы решал сам, ни на кого не надеясь, и это вызывало и уважение, и зависть.

Марк не винил друга в смерти отца, но в институте сторонился его. Он хотел, чтобы все было как раньше и дико стеснялся беременности своей мамы. Он украдкой смотрел на Эдика на лекциях, краснел при столкновении на практических занятиях.

Жизнь в доме Марк начал с изучения психологической обстановки. Он быстро нашел общий язык с Ксенией, которая звала его «прогарный хлопец Марик» и прощала ему увлечения мужчинами. Они вдвоем уговорили две бутылки водки, и Ксения разоткровенничалась:

– Та я тебя умоляю, Марик. Ну, не так ты занимаешься любовью, ничего страшного, главное, чтобы по взаимности. Вот я, гарна дэвушка пятидесяти рокив, жажду сексу, а нэма женихов! В Америке Сергей был у моей власти, из дому ведь никуда не ходив, а тут выбор огромный, только выйди за ворота.

Услышав пьяные откровения няни, кухарка утром донесла обо всем Эдику. После семейного совещания, в котором принимала участие и Ксения, доносчицу уволили. Марк сам стал готовить, детскую кухню давно освоила Ксения. Возвращаясь домой, уставший после напряженного рабочего дня и бесконечных московских пробок, Эдик жадно набрасывался на еду. Марк с восторгом наблюдал, как его друг ужинает, и подкладывал лучшие куски. На кулинарные изыски Эдик не особо реагировал. Правда, бывали блюда, которые его удивляли, например морепродукты под сливочным васаби или креветки в кляре нежнейшей текстуры.

Зато многочисленные друзья Марка, помогающие ему в бизнесе и рекламе, были в абсолютном восторге от его кулинарных изысков.

Сергей на гостей Марка смотрел косо и сразу уходил в гараж, находя себе срочные дела. Ксения с друзьями Марка дружила. Эдит разницы в сексуальной ориентации не знала, но замечала, что от добрых дяденек, знакомых Марка, ей оставались особо красивые и дорогие подарки.

Скоро Эдик стал полнеть. Ксения радовалась за работодателя, а Эдит смеялась и говорила:

– Папа-шарик-пузик.

После того, как дочь в очередной раз назвала его «шарик-пузик», поймав взгляд Ксении на его выпирающий живот, Эдик принял героическое решение – перестал ужинать дома.

Скинув пять килограммов, он начал заниматься спортом – утром бегал вокруг дома, в обед спускался в тренажерный зал своей фирмы и вместе с сотрудниками «качал железо».

Для совершенствования фигуры Марк предложил делать ему по вечерам тайский массаж. Эдик ответил, что не терпит мужского прикосновения. Марк с умилением смотрел на него и надеялся на чудо... но чуда не происходило.

Наоборот, Эдуард стал очень осторожен во взаимоотношениях с Марком. Он никогда не осуждал сексуальное поведение Бэллиного сына, принимал его друзей такими, какие они есть, всегда находил общие темы для разговора.

Когда отчим приятеля Марка почти до смерти избил и искалечил пасынка за то, что тот гей, Эдик нанял лучшего адвоката, и сторонника традиционных отношений посадили на три года.

Постепенно Эдик стал для друзей Марка большим авторитетом, при этом все знали, что он не гей.

Друзья Марка помогли ему раскрутить бизнес, так как их связи среди властей предрержащих, их сплоченность, как, впрочем, всех изгоев, были очень сильны. Желание геев помочь Эдику давало отличные результаты в бизнесе.

Глава 22

Основная масса москвичей вела обычный размеренный образ жизни, со своими обыденными семейными и профессиональными стрессами.

Но были люди, поднявшиеся до поднебесья. Они зарабатывали немислимые деньги, имели несметные богатства, женились, рожали детей, ругались, спорили, боролись за место под солнцем.

Солнце Москвы ни москвичей, ни гостей столицы не балует... Наверное, поэтому места под ним хватает не всем. Бизнесмены падали, не успев насладиться плодами своих праведных и неправедных трудов. Кое-кто вставал и начинал все сначала. Или не начинал, выходя навсегда из этой большой, азартной игры под названием «деловая жизнь».

В устоявшейся рутинной суетной московской жизни Эдика начали происходить разные недоразумения – одно за другим.

Сначала у Марка, когда он выходил из Елисеевского магазина, прокололи на «Инфинити» все четыре колеса. Через неделю в доме на два часа отключилась сигнализация, и Ксения, прихватив Эдит, отсиживалась у соседей, ожидая милицию и аварийную службу.

Затем из строя вышел электрический кабель, идущий от мини-электростанции в подвале особняка. Эдит в это время плавала в бассейне во флигеле под присмотром Сергея. Ксения готовила разгрузочный овощной супчик для всей семьи. Когда плита под кастрюлей перестала греть, она позвонила Эдику и Марку.

Оба были на важном совещании по продвижению продукции фирмы, но тут же снялись со своих кресел и, по дороге вызвав электриков, приехали домой. Кабель починили в течение получаса.

Все это можно было принять за глупейшее стечение обстоятельств, но однажды Марк показал Эдику письмо в своей электронной почте, пришедшее из Амстердама от неизвестного Фаллоса.

«Ублюдок, ты еще с членом?» – это все, что было в послании на немецком языке.

– Не хотел тебя заранее расстраивать... Вот эти почитай, – предложил Марк, открыв еще десяток писем. – Вот, например: «Все равно найду тебя, гаденыш!» и «Тебе надо сделать то, что ты делал с трупами!».

Послания были на английском и французском языках.

Марк испугался. Он перестал выходить на улицу, но и дома ему не было покоя. Начались анонимные звонки по телефону. Говорили по-английски. Желали смерти. Грозил кастрацией.

Сначала Марк сам подходил к телефону и пытался хоть что-то сказать, но, убедившись в бесполезности этих попыток, отключил мобильный телефон. Домашний номер они в особняке поменяли.

Не зная, как помочь Марку, Эдуард обратился в милицию. Там над ним откровенно посмеялись и предложили вручить звонящим повестки.

По совету весьма дорогого охранного агент-ства Эдик нанял Марку телохранителей – двух сексапильных блондинок. Девушки очень огорчились, что дорогое холеное «тело», которое им выпала честь охранять, совсем ими не интересуется.

Не объясняя причины, Эдик попросил сисадмина своей фирмы найти ему толкового хакера. Хакер, еще перед тем как получил задание, запросил хорошую сумму.

– Мне мужики сказали, что вы, Эдуард Борисович, по пустякам обращаться не будете, так что работа предстоит серьезная, и деньги, соответственно, придется платить тоже серьезные.

– Ладно, я согласен. Вот тебе адрес, но, думаю, здесь цепочка интернет-пробежек. Ищи.

Хакер позвонил Эдику в тот же вечер.

– Развели вас, или кого там еще, Эдуард Борисович, как лохов. Адрес, через который пересылали угрожающие писульки, не амстердамский, и не германский, и не британский, а парижский. Я вам информацию на комп скинул, разбирайтесь.

Пробив регистрацию парижского адреса, выяснили, что все ниточки вели к некой баронессе русского происхождения Нинель Шумовой, наследнице первой волны эмиграции.

Баронессе оказалось сорок три года, и она слыла весьма странной особой. К материалам, собранным для Эдика, оказалась приложена фотография. Когда он взглянул на снимок, то во рту стало сухо, в груди часто-часто забилося сердце: женщина была паразитально похожа на Бэллу.

На Эдика потоком нахлынули воспоминания. Он пытался вспомнить все о семье своей супруги, но практически ничего не вспомнил. Сестер и братьев у Бэллы не было. Мать, тихая женщина Нина из маленького городка Прокопьевска, умерла много лет назад. Отец ушел из еврейской семьи ради Нины и связь с родственниками никогда не поддерживал, вернее, они с ним не хотели знать.

Фотографии! Коробки с фотографиями после переезда в дом Эдика Марк засунул в чемодан, который поставил в подвал!

Спустившись туда, он с трудом нашел нужный чемодан. Детских фотографий Бэллы было мало, все больше с Марком и Олегом.

Вороша тлеющие угли своей утраченной любви, Эдик вспоминал свое прошлое. Но нужной информации не было.

Он вылетел во Францию.

Париж встретил Эда солнцем и теплом. Город как будто радовался приезду московского бизнесмена и хотел удивить своим многообразием. Особенно впечатлил помпезный Лувр с ультрасовременной стеклянной пирамидой в центре средневековой площади.

Эдик позволял себе тратить на музеи только те часы, что уходили у него на ожидание ответов, заданных им по телефону или при личном общении с нужными людьми. Он узнавал адрес странной баронессы. Необходимо было с ней встретиться для объяснения. Вечерами он делал до двадцати звонков для налаживания контактов.

Спустя неделю, и, как ни странно или закономерно, не через свои связи, а через друзей Марка, имевшихся у того везде, он получил приглашение на русский вечер, который загадочная баронесса устраивала в своем поместье.

Поместье потрясало роскошью.

Машины встречали лакеи в ливреях, показывая, где парковаться. На ступенях широкой мраморной лестницы дворца в особых чугунных корзинах горели факелы.

Перед высокими дверями гостей встречал мажордом с золоченым посохом. Он и два его помощника вежливо сверяли списки приглашенных с предъявленными пригластительными билетами.

В огромном зале горели свечи, играл струнный квартет, фланировали мужчины во фраках и дамы в вечерних, похожих на театральные, туалетах... Эдику показалось, что он оказался в девятнадцатом столетии. Впервые после смерти жены ему стало интересно.

Столы для гостей накрыли на улице. Обслуживали приглашенных вымуштрованные официанты в белоснежных куртках. Неожиданно все гости обернулись к дворцу.

По белой мраморной лестнице на лужайку спускалась... Бэлла.

От неожиданности у Эдика закружилась голова. Он залпом выпил аперитив, схватил за рукав Франсуа, знакомого Марка, с которым пришел на вечер, и сдавленно спросил:

– Кто это?

– Баронесса. Хозяйка бала, Нинель Шумова. Ты же меня неделю доставал, чтобы с ней познакомиться.

– Вот и знакомь! Представь меня ей.

– Пойдем.

При знакомстве баронесса мило и отстраненно улыбнулась и тут же отошла к другим гостям.

С этой минуты Эдуард потерял покой. Одно дело – сходство на фотографии, и совсем другое – в жизни. Он еле дождался конца бала, надеялся поговорить во время прощания, но баронесса ушла от гостей, и планам Эдика в тот вечер не суждено было осуществиться.

Эд решил оставаться в Париже, пока не найдет ответы на свои вопросы. Что связывает баронессу с Бэллой? Откуда такое сходство?

Информации о баронессе было немного. Нинель из третьего поколения русских эмигрантов в Париже. Богата с рождения. Недавно умер муж, и она должна получить большое наследство. Прямых родственников в России нет.

При более глубоком изучении генеалогического древа, которое не скрывалось и даже было выложено в Интернете в документах Дворянского собрания, прабабушка Нинель, мещанка Вера, оказалась родом из Кемерова.

В молодости Вера была воспитанницей в богатом купеческом доме. Баронессой стала уже в Париже, когда вышла замуж за полковника-белогвардейца, к тому времени уже нищего, но с титулом. Вера не имела дворянского звания, зато была красива и богата. Приемные маменька с батюшкой не поскупились с приданым. Вера родила девочку, бабушку Нинель.

Та закрепила успех и вышла замуж за барона Шумова, довольно обеспеченного гражданина Франции, владевшего обширными виноградниками и собственным винным заводом. Но их дочь, мать Нинель, умерла в родах, а отец пережил ее только на три года. Нить обрывалась, узнать о родственниках в России было не у кого.

Запросили архивные сведения из Кемерова. Ответ пришел скоро – есть интересные факты, но необходимо личное присутствие.

Туда выехал Марк, посетил родной город матушки, Прокопьевск. В Кемерове он дал такие взятки в архиве, что ему предоставили все имеющиеся материалы. Он тут же сканировал их и отправлял Эдику.

На четвертый день добровольного затворничества в гостинице одного из самых красивых городов мира Эдик напал на след. В церковной книге центрального прихода Кемерова он обнаружил запись о рождении сестер-близнецов у вдовой дворовой девки. Пазл сложился – имена и фамилии совпадали, разница в рождении составляла всего «четверть часа», как было указано в учетной записи. Значит, прабабушка Бэллы и первая баронесса были родными сестрами.

Их разлучили – одну оставили в купеческом доме, где в работницах жила их мать, а вторую отдали в богатый дворянский дом, где не было детей. Там она стала воспитанницей и уехала с приемными родителями в Париж.

Но откуда такое сходство сейчас? Неужели возможно, чтобы через два поколения у разных родителей родились дочери, унаследовавшие прабабушкины гены, причем эти гены проявились в обеих семьях одновременно? Эдик был врачом, а значит, скептиком, но не верить своим глазам он не мог и должен был признать, что наука в объяснении этого явления оказалась бессильной.

Он хотел эту женщину. Даже не зная ее характера, привычек и склонностей, Эдик чувствовал в ней душу Бэллы, и его безумно тянуло к баронессе Шумовой.

Глава 23

Они встретились на выставке лошадей в Орбеке, что в Нижней Нормандии, на крупнейшем во Франции конном заводе.

Погода в Орбеке в этот день не радовала. Было пасмурно, сыро, обложной дождь шел, как казалось, уже целую вечность, но Эдика не волновала непогода, он ожидал встречи. Среди гостей, одетых для верховой езды, он выделялся высоким ростом. Короткий пиджак и лосины на стройных ногах подчеркивали красивые линии его фигуры.

Нинель, как и все дамы, была в амазонке. Она выбрала яркое сочетание розового шелка и бордового бархата и смотрелась распутившейся розой.

Теряясь от ее очарования, Эдик задавал нелепые и глупые вопросы, а баронесса смеялась в ответ. Разговаривали на английском – Нинель плохо говорила по-русски, Эдик почти не знал французского. Он на несколько часов забыл, ради чего приехал во Францию и для чего добивался встречи с баронессой Шумовой.

Нинель понравился этот интересный русский. От него веяло тем, что в воспоминаниях ее детства называлось ностальгией.

«Он недурен собой. Видимо, образован... И еще – в нем есть что-то такое, что заставляет волноваться. Некая недосказанность, облаченная в говорливость», – подумала Нинель и сама не заметила, как начала флиртовать с едва знакомым мужчиной.

Баронесса чувствовала страстный взгляд Эдуарда, и частица русской бесшабашности, доставшаяся ей в наследство от предков, сыграла свою роль. Она сама предложила мсье Эдуарду продолжить встречу тем же вечером в маленькой гостинице в частной обстановке.

Эдик приехал в гостиницу в джинсах и свитере, Нинель – в узком полосатом платье и в песцовой горжетке. Оба замечательно смотрелись вместе.

Они просидели в холле у камина до двух часов ночи, просто болтая.

– Мне пора, – наконец встрепенулась баронесса.

– Я думаю, нам пора, – отозвался Эдик.

Он поцеловал Нинель руку и при этом вложил в нее пластиковую карточку – ключ от своего номера, а затем быстро двинулся в сторону лифта. Поднялся на третий этаж, прошел в номер. Через пять минут дверь номера распахнулась, и Нинель оказалась в объятиях Эдика.

– Какие вы, русские, быстрые!

– Да, нам надо успеть понять и прожить новую жизнь, – прошептал Эдик.

Он поднял Нинель на руки и понес к кровати. Эдик не мог избавиться от ощущения, что это Бэлла. Страсть и долгое воздержание после смерти любимой чуть не привели его к конфузу – эякуляция произошла до того, как он успел раздеться. Но потом он полностью реабилитировался. Нинель стонала от счастья.

Так была открыта новая страница в книге любви Эдика. Он постоянно летал в Париж. Как ни уговаривал он Нинель приехать в Москву, она не соглашалась.

Эдуард догадывался, что она что-то скрывает от него.

Однажды, когда они лежали утомленные после секса в поместье Нинель и потягивали

коньяк, она особо доверительно посмотрела на Эдика.

– Я не могу поехать с тобой в Россию, потому что нахожусь под подпиской о невыезде.

Отставив коньяк, Эдуард стал внимательно слушать.

– У меня, мой дорогой, есть двадцатитрехлетняя дочь. После неудачного аборта в девятнадцать лет я больше не могла забеременеть. Лечилась у лучших профессоров по всему миру. Один раз вроде все получилось, забеременела, но на раннем сроке был выкидыш. Мой муж не хотел, чтобы я и дальше так мучилась. Мы два года думали, как быть, и решились на удочерение. Нам нашли новорожденную девочку, и мы назвали ее Жанет. Нас заверили, что ребенок абсолютно здоров. Чудная девочка – красивая, умненькая, ласковая, но мать ее была наркоманка, а отца никто никогда не видел. Мы очень любили девочку, баловали, учили... Но гены...

В четырнадцать лет Жанет начала курить марихуану, а сейчас у нее тяжелая зависимость от наркотиков. Она не живет с нами с семнадцати лет, сбежала из дома. Однажды муж нашел информацию о клинике Довженко в Москве и повез Жанет на лечение, но она и там нашла наркоманов. Исчезла из клиники, начала таскаться по притонам.

В поисках дочери мой муж нарвался на бандитов. Его убили, во Францию привезли в цинковом гробу.

Во время следствия мне сказали весьма странную вещь: в Москве у моего супруга отрезали член. В самом судебно-криминалистическом заявлении о причинах смерти мужа было сказано: «Многочисленные ножевые ранения, несовместимые с жизнью». Я подумала, что убийство и кастрация происходили одновременно.

А Жанет осталась в России, скитается в Москве по притонам, иногда шлет мне эсэмэски с просьбой прислать деньги до востребования. Я шлю и надеюсь, что именно она получает деньги, а не кто-то с ее паспортом. Пять лет ее не видела, отвыкла, но все равно сердце за нее болит.

Эдика, когда он услышал об отрезанном органе, бросило в жар. Недостающий кусочек в мозаике последних происшествий встал на свое место.

– Я единственная наследница мужа. А это автоматически вызывает подозрение, – продолжала Нинель. – Знаешь, что я недавно узнала? Один русский, врач, между прочим, продал в амстердамский секс-музей коллекцию фаллосов. Я подумала, может быть, это он убил моего мужа и отрезал у него... – Она запнулась. – Ну, сам понимаешь. Вычислила я этого патологоанатома, даже писала ему анонимные письма, звонила по телефону. Хотела ото-мстить, но потом подумала, а если это не он? Если мужа убили наркоманы, друзья Жанет, как предполагают в полиции? И прекратила угрожать...

Она закурила. Нинель всегда вставляла сигарету в мундштук, и в этом была некая возбуждающая изысканность. Да и мундштук из слоновой кости, инкрустированный бриллиантами, обращал на себя внимание. Ее тонкие пальцы нервно подрагивали. Она оперлась на локоть и продолжила:

– Три дня назад меня вызвали в полицию и сказали, что я вместе со следователем должна лететь на опознание в Амстердам, в этот музей. Представляешь... – Нинель покраснела.

Эдику было неприятно об этом слушать. Он поднял свою возлюбленную на руки и понес в стеклянное джакузи. Ванна была наполнена водой с ароматическими маслами.

– Не думай сейчас об этом, милая.

Тонкое, но очень женственное тело Нинель блаженствовало в водяных пузырьках.

– Об этом мы подумаем завтра, как Скарлетт О'Хара? Да?

– Да. Завтра в десять утра у меня самолет в Москву.

– Всегда, когда у меня в жизни трудности, я остаюсь одна. Я уже говорила себе, что это просто еще одно испытание. – Нинель тяжело вздохнула. – А теперь объясни мне, пожалуйста, только откровенно, почему ты, богатый и весьма красивый молодой мужчина, польстился на меня. Ведь я старше... – Она попыталась придать голосу правдивости. – Хоть и не намного. Отнеси меня обратно, мне надоела вода.

Подхватив роскошную женщину, Эд отнес ее на кровать.

– Нинель, – Эдуард привстал, дотянулся до висящих на стуле брюк и достал из портмоне несколько фотографий, – вот смотри. Это моя покойная жена, это дочка.

Небрежно взяв фотографии, Нинель собралась покритиковать неведомую ей бывшую жену мужчины, с которым у нее только что был великолепный секс... И тут же уронила их.

– Но это, это же я!

– Вот именно. – Эдуард собрал с одеяла фотографии. – Как-то странно связала нас судьба. А как тебе моя дочурка?

Не сдерживая любопытства, Нинель выхватила из рук Эда фотографии.

– Дай-ка повнимательнее посмотрю. Изумительная. Красивенькая. Только почему у нее носик великоват? В кого?

– В меня. – Эд потрогал тонкий шрам на носу. – Я тебе сейчас расскажу...

И два часа, то и дело подливая себе коньяк, Эдуард рассказывал историю своей жизни.

Утром он летел в Москву. В его портфеле лежали фотография Жанет и ее паспортные данные.

Глава 24

Няня Ксения все-таки вышла замуж за Сергея. Путь к паспорту любимого мужчины она нашла просто – демонстративно не ела то, что он готовил, и не допускала в свою постель. Сергей выдержал три месяца и сдался.

Теперь эта не очень молодая супружеская пара усиленно опекала Эдит. Девочка пошла в школу. Смешливая, забавная, хорошенькая, она нравилась учителям и одноклассникам. Проблем, которые были в школе у ее отца, Эдит не знала.

Марк, получив от Эдика информацию о Нинель, перестал бояться и начал снова выходить из дома. По ночам он пропадал у своих друзей и в клубах, но к утру всегда возвращался.

Желая помочь Нинель, Эд решил найти Жанет и отдал фотографии девушки в частное детективное агентство.

Времени катастрофически не хватало. Работы было невпроворот, надо было слетать в Китай к Мао Тену, подписать договоры в Польше, Румынии, Греции, рассчитать заказы на товар, предусмотреть побочные расходы, необходимо было расширить производство. Домой Эдик приходил измотанным и сразу проваливался в сон. Утром его будила Эдит. Она не могла дождаться минуты, когда можно будет поделиться с папой последними

школьными новостями, забиралась к нему на кровать и болтала, болтала. Эдик слушал дочь, поддакивал и дремал.

Марк обычно спал до десяти часов, затем уезжал в офис, а вечером к друзьям. Стало понятно, что у него новый роман.

Эдик с Марком практически не встречался, даже Диму он видел чаще – пересекался с ним по вопросам бизнеса то в Польше, то в Америке, то в России. Они часто болтали до утра в какой-нибудь гостинице, а утром уезжали каждый по своим делам.

Наличие троих детей требовало от Димы полной самоотдачи. Ему было тяжело неделями отсутствовать дома, но бизнес не оставлял ему выбора.

На этой неделе Эдик должен был лететь в Париж. Нинель по телефону ничего не сказала о своей поездке в Амстердам, но он интуитивно понял, что она добралась до коллекции.

Был редкий зимний день, когда в Москве светило солнце и одновременно падал снег. Эдик с детства любил снег, ему нравились его скрытая упругость и внешняя мягкость, он восхищался формой снежинок, тихо лежащих на пальто. Вот и сейчас, когда он вышел на балкон, на рукав его халата приземлилось несколько больших снежинок. «Это к удаче!» – подумал он и пошел в душ.

Тишину разорвал телефонный звонок. Звонил частный детектив, нанятый для поисков Жанет.

– У меня есть новости, – квакающим голосом сообщил он. – Можете приехать к обеду в «Бочку»?

Сыщик сидел на втором этаже пивного бара, расстегнув воротник рубашки и приспустив галстук, и жадно ел борщ с пампушками. Эдик сглотнул голодную слюну, но есть в присутствии неприятного человека ему не хотелось. Подошедшему официанту он заказал сто граммов водки.

Официант исчез. Эдик молча сел за стол, в напряженном ожидании глядя на детектива Павла Семеновича. Это был человек средних лет, с заметной лысиной, его большая голова была посажена на короткую бычью шею, глаза-бусинки постоянно бегали, а вечно влажные пальцы свидетельствовали о нервозности. Прежде чем подать руку, сыщик тер ладони, но они все равно оставались влажными.

– Год назад, – медленно начал говорить он, – был «висяк» с иностранцем. По данным дела, которое я посмотрел, это в Москве единственный нераскрытый случай. Тот человек объезжал все наркологические клиники. Менты даже установили за ним наружное наблюдение, думали, что он или торгует наркотой, или ищет среди наркош доноров на органы для трансплантации.

Потом его нашли мертвым в «Ноевом ковчеге». Это бар с очень плохой репутацией. Среди наркоманов была задержана одна иностранка – Жанет Польша, та еще шлюха. Фамилия у нее была не такая, как у убитого. Вы сказали, что это его дочь? Странно. Больше о Жанет ничего не известно, пропала. Либо зависла у знакомых, либо ее пришили потихому.

Последняя фраза, прозвучавшая равнодушно и цинично, покорила Эда. Он воздержался от комментариев, но тон стал еще суше.

– Есть надежда узнать еще что-нибудь?

– Сначала давайте деньги, – неприятно осклабился Павел Семенович. – Разговоры потом.

– Сколько? – продолжать беседу Эдику не хотелось.

– Пять штук президентов.

– Павел Семенович, – Эдик залпом выпил водку и встал, – если вы имеете в виду сто долларовые купюры, то на них изображен не президент, а гениальный физик Франклин. Это я для расширения вашей эрудиции.

Отсчитав доллары, Эдик попросился, не пожимая руки детективу – тот вызывал у него отвращение и окончательно испортил настроение и аппетит.

Глава 25

В парижском отеле, в номере с растопленным камином, Эдик гладил руку Нинель, а она курила и рассказывала.

– Я когда увидела эту коллекцию... В голове какого шизофреника могла возникнуть идея собирать фаллосы трупов?! Я обошла эту «экспозицию» три раза, пока нашла... Меня мутило и знобило. Думаю, вряд ли женщина вообще может узнать своего мужа после смерти по первичным половым признакам, но у моего супруга была анатомическая особенность. Извини, что делюсь с тобой такими подробностями... Орган извлекли из коллекции и отдали на генетическую экспертизу. Эдик, это его фаллос... Он был удален у мертвого тела. Ты знаешь, что я сделала? Выкупила его и через неделю захоронила в могиле мужа.

Нинель замолчала.

– Мое опознание не поможет найти убийцу. Правда, плюсы есть: я могу получить наследство, с меня сняли все подозрения, и запрет на выезд больше не действует.

Теперь наступила очередь Эдика рассказывать:

– Твоего мужа убили в наркопритоне. Есть в Москве такой ночной бар «Ноев ковчег», где собираются исключительно наркоманы. Там была задержана вместе с другими подозреваемыми и ваша Жанет. Когда ее выпустили за отсутствием улик, она исчезла. Не знаю, стоит ли тебе это знать, но мой брат, как я его теперь называю, и, кстати, твой дальний родственник, сын моей жены Бэллы, Марк, и есть тот патологоанатом, который собрал коллекцию фаллосов. Он гей. Но он не убивал твоего мужа и вообще не имеет к этому никакого отношения.

Баронесса Шумова встала с кресла, нагнулась, взяла небольшое полено, положили в камин. Она долго молчала. Стояла и смотрела на языки пламени, играющие друг с другом. Наконец, она повернулась к Эдику.

– Я хочу побыть одна. Не обижайся. Поеду домой. Не провожай меня!

Она поцеловала любовника и быстро вышла из отеля. Растерянный Эдик остался сидеть у камина. Он еще ощущал тепло поцелуя Нинель, но ему казалось, что эта женщина навсегда оставила его.

Утром Эда разбудил звонок сотового телефона, звонила Нинель.

– Я полечу с тобой в Москву. Хочу найти эту паршивку, свою дочь.

– Очень рад. Сейчас закажу тебе билет.

Глава 26

В Москве Нинель поселилась в «Ритце». Эдик думал, что покажет любимой удивительный своими контрастами мегаполис, сводит в Большой театр, приведет в собор Василия Блаженного и в храм Христа Спасителя. Но виделись они не каждый день. Чем занималась, с кем встречалась Нинель, кто был ее гидом и переводчиком, Эдик не знал, но догадывался, что она начала собственное расследование обстоятельств гибели мужа.

Через три дня Эдику все-таки удалось уговорить возлюбленную приехать к нему домой.

Баронесса была приятно поражена выдержанным стилем его особняка. Из прессы она знала, кто такие новые русские. Ни для кого не было секретом, что отсутствие вкуса, китч, любовь к золоту, неумение подбирать цвета и патологическая тяга к роскошным вещам создали им дурную репутацию далеко за пределами России.

Она с восхищением осматривала дом, а Эдик показывал ей одну за другой комнаты. У очередной двери он остановился.

– Это детская моей малышки. Я показывал тебе ее фотографии, а сейчас вас познакомлю.

Он постучал и открыл дверь. Девочка сидела за письменным столом, играла за компьютером. Ксения сидела рядом, тихо смотрела телевизор.

– Привет, роднуля, – негромко поздоровался Эдик.

– Ой, папуля пришел. – Эдит медленно повернулась, не желая отрываться от игры.

– Это Нинель. Познакомьтесь.

Девочка вгляделась в Нинель, побледнела и потеряла сознание. Ксения перепугалась, подхватила Эдит на руки. У Эдика сработал инстинкт врача, он стал хлопать дочь по щекам, проверил пульс, глаза.

– Папа, это мамочка вернулась? – спросила Эдит, когда очнулась.

– Нет, солнышко. Просто Нинель очень похожа на маму, она ее родственница.

«Какой же я болван! Не подготовил ребенка», – корил себя Эдик.

Эдит весь вечер была вялая и ко всему безразличная. К Нинель она не подходила, отказалась от ужина и рано пошла спать.

– Покажи мне семейные фотографии, – попросила Нинель. – Мне интересно сравнить их со своими.

Она долго разглядывала снимки, а потом спросила:

– Тебе всегда нравятся женщины старше тебя?

– Если честно, да. С девчонками мне неинтересно, да они и видят во мне только кошелек.

Взяв руку Нинель, он поцеловал ее пальцы.

Приехал Марк. Он весь вечер подавал еду, веселил всех и тоже не спускал глаз с Нинель. Он понимал, что это, конечно, не его мама, но ему так хотелось быть рядом с ней, хотя он чувствовал ее холодность.

Нинель смотрела на Марка настороженно и слегка брезгливо.

– Я, пожалуй, поеду в гостиницу, – сказала она после ужина.

– Побудь со мной еще немного, любимая, – несмело попросил Эдик.

– Я очень устала.

Они поцеловались, и Эдик долго не отпускал ее из своих объятий, пока не зазвенел телефон Нинель.

– Да, да, – быстро проговорила она в трубку. – Еду.

До своей машины она почти бежала.

Когда Эдик вернулся в столовую, Марка там уже не было. Эдик, привыкший к его ночной жизни, не волновался. Он зашел к дочери, пощупал пульс и пристроился с книгой на диванчике. Ксения тут же ушла спать, но дверь в свою комнату не закрыла, чтобы услышать, если ее позовет Эдик.

А Марк поехал за машиной, которая увезла гостью, он решил проследить за Нинель.

Огромный белый медлительный лимузин направлялся явно не к отелю. Он остановился у бара «Крот». Марк знал это место, некоторые из его друзей захаживали сюда. Здесь всегда можно было купить таблетки экстази или что-нибудь по сильнее. Конечно, если тебя здесь знали.

Нинель разительно отличалась от этой публики и возрастом, и одеждой. Марк хотел перехватить ее и не пустить в грязное место, но не успел.

Нинель, заметив дочь, рванулась в толпу танцующей молодежи.

– Жанет, Жанет! – крикнула она.

К ней повернулась девушка, бритая наголо. На ней были грязные джинсы в обтяжку и короткая выгоревшая майка. Громила, обнимающий ее за талию, резко повернулся и крикнул, обращаясь к Жанет:

– Что, сука, хвост привела? Интерпол, что ли?

Он выхватил пистолет и направил его на элегантную женщину.

Не осознавая опасности, Нинель сделала несколько шагов навстречу дочери. Марк опередил ее. Он бросился на громилу, прикрыв Нинель своим телом... Прозвучал выстрел. Марк упал.

Нинель закричала по-французски:

– Русские убийцы!

Громила бросил оружие и, расталкивая посетителей, прорвался к выходу. За ним потянулись другие посетители.

Глаза у Жанет были остекленевшие. Она только что приняла дозу, но, тем не менее, пробормотала:

– Мама, ты нашла меня? – Она обняла Нинель и заплакала. – Мамочка, я так по тебе скучала. И по папе. Мне стыдно было возвращаться.

Когда приехали «Скорая помощь» и милиция, кафе уже опустело.

В два часа ночи Эдика разбудил телефонный звонок. Нинель что-то кричала по-французски. Он ничего не понял и попросил:

– Любимая, не так быстро и по-английски, пожалуйста.

Услышав объяснения, Эдик долго не мог сдвинуться с места, затем спохватился, разбудил Сергея. Эдик понимал, что в таком состоянии сам вести машину не сможет.

Когда они подъехали к месту происшествия, там никого не было, кроме следственной группы. Марка увезли в реанимацию, Нинель и Жанет – на допрос, немногих очевидцев опросили и отпустили по домам.

Эдик попросил Сергея отвезти его в больницу к Марку. По дороге он позвонил Нинель, но автоответчик был неумолим: «Абонент находится вне зоны доступа...»

Глава 27

В реанимации Эдик узнал, что Марка оперируют. Операция длилась шесть часов, была вызвана дежурная бригада травматологов.

Все это время Эдик метался по коридору. В ординаторской старшая медсестра сжалась над ним и сказала, что пуля попала между четвертым и пятым поясничными позвонками. Эдик понимал, что это как минимум паралич ног.

Марка вывезли из операционной в восемь утра. Эдик еле держался на ногах.

На вопрос: «Как там?», хирург, молодой парень, ответил, что операция прошла нормально. Хорошо, что поясничный отдел. Жить будет. Но как, одному Богу известно.

Через полчаса Эдик сидел у кровати Марка и даже не чувствовал, как по щекам текут слезы. Жизнь посылала ему еще одно испытание.

В палату вошел врач. Эдик вытер слезы и постарался успокоиться.

– Поезжайте домой. – Доктор отрегулировал капельницу на более быстрый режим. – Он будет в реанимации не меньше двух суток.

– Может быть, его можно, того, перевести в частную больницу? – Эдик завороченно смотрел на зеленые зубцы, появляющиеся на мониторе аппарата работы сердца.

– У нас есть коммерческое отделение. – Врач первый раз улыбнулся. – Заплатите в кассу, и все будет в шоколаде.

Не соответствующая месту фраза подняла Эдику настроение.

По дороге домой он еще раз набрал номер Нинель без надежды на ответ, но ошибся.

– Алло, – послышался уставший голос.

– Это я. Марка прооперировали. Он жив, но ранение тяжелое.

– Эдик, он спас мне жизнь! Я оплачу операцию. – Нинель всхлипнула и после паузы сказала: – Я улетаю из вашей бандитской страны и забираю с собой Жанет. Она многое поняла и обещала исправиться. Самолет в шесть вечера. Прости меня. Я причина несчастья с Марком. Я очень люблю тебя и хочу, чтобы ты жил! Ты молодой, у тебя все впереди. Прощай, любимый!

Эдик услышал короткие гудки.

За лобовым стеклом автомобиля погасло солнце, небо затянули свинцовые тучи. Начался дождь со снегом. Может быть, он смоет тяжесть с души человека, столько потерявшего в этой жизни.

Дома он прошел в спальню и уснул, не раздеваясь. Его пытались разбудить, но безрезультатно. Ксения вызывала «Скорую помощь».

– Летаргический сон, но будем надеяться, что не длительный. Нервные потрясения просто так не проходят, – пробормотал врач. – Пусть выпится.

Через два дня Эдик как ни в чем не бывало проснулся, помылся, побрился, плотно позавтракал под удивленными взглядами Сергея и Ксении, взял ключи от машины и вышел из дома.

На работе все знали о несчастье с Марком. Эдик работал полдня, затем ехал в больницу и не отходил от постели друга.

– Как ты оказался в баре? – задал он вопрос, как только Марк пришел в себя.

– Из-за Нинель... – Марк смотрел на иглу, воткнутую в вену его руки, в гибкую трубку, ведущую от нее к капельнице. – Она весь вечер нервничала, смотрела на меня с отвращением, а на тебя виновато. Я подумал – она изменяет тебе, хотел проверить. Что со мной?

– У тебя ранение в позвоночник. Пулю извлекли. Все будет хорошо, – соврал Эдик.

– Послушай, я ведь тоже врач. Какой позвонок?

– Четвертый и пятый. Поясничной отдел. При операции тебе поставили фиксаторы.

– О'кей. Эд, позвони, пожалуйста, Димке. Я читал, что в Израиле делают уникальные операции. У них большой опыт реабилитации после терактов. – Марк заплакал. – Эдик, это конец! А может, не надо звонить? Проще уйти к маме, я так по ней соскучился!

Эдик похлопал друга по руке, стараясь не задеть иглу от капельницы.

– Надо бороться. Ты не должен сдаваться. Это серьезное испытание, Марк, но мы пройдем его вместе.

– Эд, пожалуйста, позвони одному парню, Валентину... найдешь его имя в моем телефоне. Скажи, что меня больше нет. – Глаза Марка опять повлажнели. – Больше никому ничего сообщать не надо. В университет и на работу я позвоню сам.

Марк вытер слезы свободной рукой.

– Набирайся сил. Я все сделаю, – успокоил его Эдик. – Ты поспи и постарайся не волноваться. Я приставил к тебе медсестру, она выполнит любой каприз. – Он пытался пошутить, но осекся, увидев взгляд Марка. И, поцеловав его, быстро вышел из палаты.

Настало трудное время. Эдик не мог ежедневно ездить в больницу, бизнес высасывал все его силы, совершенно не оставляя свободного времени. Но каждые четыре часа он звонил медсестре, спрашивал о состоянии Марка.

«Если ты занимаешься большим делом, – думал Эдик, – то должен знать, что оно, как живой организм, постоянно питается. Бизнес должен дышать, аккумулировать энергию двигающих его людей, выводить шлаки, отсеивать ненужные идеи и ненужных «помощников». Бизнес, как человек, обладает нервной системой, каналами связи между людьми, городами, странами, а главное – он должен обладать душой, твоей душой. Ты

должен любить то, что делаешь! Если же в этой системе что-то нарушится, бизнес может заболеть и даже умереть».

После трех месяцев, проведенных в больнице, Марка выписали домой. Эдик подготовился, купил самую «навороченную» инвалидную коляску и автомобиль «БМВ», оборудованный специальным подъемником в виде широкого рельса, по которому с помощью электромоторов коляска закатывалась в машину.

Жизнь инвалидов в России сложна. Для их удобства мало что приспособлено. Нет въездов в большинство магазинов, в общественный транспорт, в театры, в музеи. Ситуация меняется, но слишком медленно.

Характер у Марка за три месяца сильно изменился – он стал вспыльчивым, раздражительным и озлобленным.

Он часто звал к себе Сергея, разговаривал с ним, но, если тот с ним в чем-то не соглашался, швырял в него тем, что попадалось под руку. Медперсонал – массажиста, физиотерапевта и врача – посылал матом и не извинялся.

Его не боялась только Ксения. Она, если Марк «дуркой маялся», могла его обругать, а то и шлепнуть пыльной тряпкой.

Глава 28

Нинель перестала отвечать на звонки и письма. Слетать к ней в Париж не было никакой возможности. Но Эдика даже радовал перерыв в их отношениях. У него не было к этой женщине привязанности, он не ощущал необходимости ежедневного общения, как это происходило с Бэллой. Он устал от домашних проблем и даже от любимого дела.

Только при общении с дочерью он отдыхал, радуясь ее хорошим оценкам в школе и смысленности.

Эдик решил больше бывать дома. Необходимо было помочь Марку начать новую жизнь, не допустить, чтобы он скатился к жалкому существованию.

Для повторной операции Марку предстояло лететь в Израиль. Возникла необходимость в профессиональной медсестре.

Стояла середина марта. Солнце редко баловало москвичей, видимо, собирая силы для летней жары. Только подтаявшие сугробы цвета асфальта напоминали о том, что зиме скоро конец.

Эдик без стука вошел в комнату Марка. Тот лежал на спине, уставившись в одну точку на потолке, как будто хотел ее навсегда запечатлеть в своем сознании. Рядом сидела медсестра Оля – ее имя Эдик прочитал на бейджике, приколотом к белому халату. Это по его настоянию все дежурившие у Марка обязаны были носить нагрудные карточки со своими именами, чтобы не напрягаться лишний раз, вспоминая, как кого зовут. Ольга читала, точнее, зубрила учебник по гистологии.

– Ты учишься в медицинском институте? – спросил Эдик.

Девушка вздрогнула и подняла на него огромные темно-карие глаза – такие редко бывают у блондинок.

Он впервые обратил внимание на молоденькую медсестричку, которой было лет двадцать. Вспомнив свой первый опыт, когда он студентом дежурил у постели тяжелобольных, Эдик ей посочувствовал. Или это было больше, чем сочувствие? Он улыбнулся.

– Я Эдуард, брат Марка.

– Брат-солдат, полный мудорват, – зло проворчал Марк, не отвлекаясь от изучения точки на потолке.

– А я Оля, – смущенно ответила девушка.

– Так ты студентка? – повторил свой вопрос Эдик.

– Да, заканчиваю третий курс, поэтому могу дежурить только по выходным или беру ночные дежурства. – Ольга покраснела и улыбнулась.

– Откуда ты? – понизив голос, просил Эдик.

– Из Хабаровска. Решила, что столичное образование самое хорошее. Да и подработку в Москве легче найти.

«На Дальнем Востоке люди растут в тяжелых условиях и не до конца испорчены цивилизацией», – подумал Эдик.

– Оставь нас, милая, – ласково попросил он. – Иди выпей чаю или кофе.

Девушка вышла, Эдик в секунду оценил ее ладную фигурку и только потом обратил внимание на угрюмого Марка.

– Марк, Бог дает нам только те испытания, – начал он издали, – которые мы можем вынести. Твое положение – это новые возможности. Ты же всегда мыслил неординарно! Один твой музей чего стоит...

– С точки зрения создания проблем, ты прав, мой опыт бесценен, – хмыкнул Марк.

– Через две недели мы летим в Израиль на повторную операцию. – Эдуард говорил убедительно, с нажимом. – Там посмотрели твои рентгеновские снимки и сказали, что ты будешь ходить.

– Надежды юношей питают...

Наклонившись к лицу друга, Эдуард заговорил, пристально глядя ему в глаза:

– Марк, надо менять настроение! Ты уже не юноша, а я не мать Тереза!

– Эд, позвони Валентину, я соскучился. Он единственный, с кем можно нормально поболтать.

Марк и Валентин дружили, как могут дружить любящие и уважающие друг друга супруги. После ранения Марк запретил Валентину приходить к нему, и тот тяжело переживал их разрыв, постоянно бродил сначала около палаты Марка, а потом около их дома, приносил деликатесы и цветы, которые нравились его любовнику, упрасивал Ксению все это передать, и она без объяснений клала их на тумбочку Марка. Тот, скрывая радость, просил поставить цветы в вазу.

Расценив просьбу позвонить Валентину как признак возвращения к жизни, Эдик вышел из комнаты и через несколько минут вернулся с ноутбуком и положил его на грудь Марку.

– Здесь есть кое-что интересное для тебя, мы с Валентином наладили видеосвязь через компьютер. Скажи ему все сам.

Марк быстро открыл компьютер.

Выходя от Марка, Эдик столкнулся с Олей.

Девушка раздурмянилась, ее глаза взволнованно блестели. Эдик понял, что он ей нравится.

– Когда тебя сменяют?

– В девять вечера, – почему-то прошептала медсестра.

– Пойдем куда-нибудь поужинаем? – с надеждой предложил Эдик.

– Пойдем, – ни минуты не медля, ответила Оля.

Эдик пытался придумать, что могло бы отвлечь Марка от его физической неполноценности, и наконец решил открыть виртуальную клинику. Например есть у человека вопрос к невропатологу. Он входит в Интернет, набирает адрес сайта виртуальной клиники и обращается к опытному невропатологу, которого найдет Марк. Если достаточно только консультации, ее можно получить через Интернет, если необходимо оперативное вмешательство, будет назначена встреча, в ходе которой примут решение о дальнейших действиях.

В экономическом отделе фирмы просчитали затраты на организацию такой клиники. Разработка сайта стоила дорого, кроме того, нужно было платить за консультации специалистам и оформлять документацию. Но клиника должна была себя окупить – у Эдика имелась возможность привлечь к работе медиков высокого уровня со всего мира, к которым просто так обратиться за консультацией невозможно.

Марку идея понравилась. Дело пошло. Заказы на консультации поступали регулярно и стабильно. Бизнес начал приносить доход, и весьма достойный.

У Эдика развивался роман с Олей. Отношения с ней открыли ему глаза на то, какое счастье приносят девичья сексуальность, чистота, молодость, задор и даже смех.

Оля была хохотушка и, несмотря на то что зарабатывала на жизнь тяжелым трудом сиделки, никогда не унывала.

Она буквально приворожила Эда, ему с ней было хорошо и спокойно. Молодость искрилась в Ольге и изливалась в их страстных ночах.

Эдик еще не знал точно, что это – любовь, страсть, секс или привязанность, но совершенно точно осознавал, что это каскад эмоций. Они заряжали, снимали усталость, дарили вкус к жизни.

Глава 30

В Израиль вместе с Марком и Эдуардом полетела только Оля. Как Марк ни просил взять Валентина, Эдик на это не пошел, потому что не хотел неприятностей: вдруг станет известно, что Марк гей, и его откажут лечить? Кто их там знает, все-таки чужое государство. «Нет, рисковать не стоит!» – решил он.

Израиль встретил их весенней жарой. Пальмы, море и теплый воздух, наполненный ароматами цветущих деревьев, очаровали всех с первого взгляда.

Клиника произвела приятное впечатление: чисто, уютно, внимательный персонал.

Три дня ушло на интенсивную предоперационную подготовку.

Сама операция длилась восемь часов и закончилась полным успехом. Профессор,

сделавший ее, сказал:

– Через два месяца этот пациент будет бегать.

Два месяца реабилитации в Израиле пролетели быстро. Несколько раз Эдик вылетал по делам то в Россию, то в Китай, но постепенно втягивался в размеренную жизнь страны.

С Ольгой они жили как счастливые молодожены. Утром уходили к морю и оставались там, пока жара не начинала плавить их тела. Затем ехали в больницу к Марку.

Но всему отведено свое время, нужно было возвращаться в Москву.

Несмотря на то что операция прошла благополучно, Марк не встал и не пошел. Врачи ничего не объясняли, говорили, что надо подождать.

В Москву Марк вернулся в инвалидной коляске. У него началась тяжелейшая депрессия, он не хотел никого видеть, проект с виртуальной клиникой забросил. Вместо него специалистам пересылала вопросы Оля. Единственным, кого, кроме Оли, подпускал к себе Марк, был Валентин.

Эдик решил нанять еще одну медсестру – он желал засыпать и просыпаться с Ольгой и ни с кем не делить ее время. Но Марк закатывал истерики, и Оля каждый раз уговаривала Эдика:

– Потерпи, любимый. У нас вся жизнь впереди.

Однако она переоценила свои силы. Однажды, прибежав на звонок Марка, Эдик нашел Ольгу на полу без сознания. Приведя девушку в чувство, он решительно заявил:

– Все! Объявляется недельный отдых. Мы с Ольгой летим в Китай.

Оля догадывалась, что беременна. Ей, как медику, не нужны были ни тесты, ни обследования гинеколога.

Марк временами становился просто невыносимым. Однажды он спросил у Валентина, сидящего у его постели:

– Ты меня любишь?

– Да, родной, конечно! – Валентин поправил ворот модной рубашки. – Очень люблю.

– Валька, я решил возобновить свою уникальную коллекцию, но теперь буду собирать не простые фаллосы, а особые: от калек, юродивых и знаменитых людей.

Валентин по специальности был художник по тканям, его мутило и выворачивало наизнанку при виде трупов.

– Я в этом тебе не помощник. – Он потрогал золотое кольцо на безымянном пальце. – Мне твоя коллекция кажется мерзкой.

– Тогда убирайся из моей жизни! – Марк вытащил из-под головы расшитую подушку и кинул ее в любовника. – Навсегда! Пошел вон!

Валентин всегда умел найти компромисс в отношениях с Марком, поэтому он и задержался при нем дольше остальных любовников.

– Не нервничай, любимый. Я готов тебе помочь. – Валентин судорожно вздохнул. – Один раз попробую.

– Хорошо. – Марк тут же успокоился. – Вот тебе первое задание: сходи в мавзолей на Красной площади и добудь мне фаллос Ленина.

– Ленина? – в ужасе прошептал Валентин. – Там же охрана, кремлевские курсанты, полно народа!

– Ты, наверное, не понял – это единственное условие продолжения наших отношений. Пообещай денег, больших денег.

«Вообще-то, почему бы и нет? – подумал Валентин. – Ленина так Ленина. Наверняка можно подкупить ночных охранников, или тех, кто там убирается, и самому не касаться этого... Им не все ли равно: с членом Владимир Ильич или нет? Он же в брюках лежит».

Через неделю Валентин приехал к Марку особенно гордый. Одет он был соответственно моменту – в темный костюм и розовую рубашку. Он торжественно внес в комнату банку от дорогого крема. Банку осторожно поставил на тумбочку.

– Вот, любимый, здесь фаллос вождя мирового пролетариата. Правда, я не смотрел, не смог.

– Наконец-то! – воскликнул Марк и открыл банку.

Остро запахло формалином. В банке, на ватном тампоне, лежал грецкий орех.

Впервые после операции Марк хохотал до слез.

– Валька, да нет у него давно никаких органов. Я просто проверял тебя, прикололся.

Валентин обиделся. Пришлось покупать ему новое золотое кольцо.

Через неделю Марк опять заскучал, захандрил и попросил Валентина пока его не навещать.

По ночам Марка мучила бессонница, а потом целый день он находился в полудреме. Он исхудал и осунулся. Жесткая щетина на лице постепенно превращалась в бороду. На Марка было страшно смотреть. Человек не хотел жить.

Глава 31

Эдик с Ольгой улетели в Китай. Ольга старательно демонстрировала восторг – она не стала рассказывать Эдику, что они с мамой в трудные времена часто ездили в Китай из Хабаровска челночить. Ее нанимали «помогалкой», и девочка таскала тюки с синтетическим барахлом для всего автобуса. Потом мама продавала свою часть на стройках и в поселках, стоя на сорокаградусном морозе. Все это продолжалось, пока она не спилась. Сначала приходилось пить, чтобы согреться, затем чтобы поднять настроение, а после и повода не требовалось.

Оля не была корыстной. Она все время уговаривала Эдика не тратить на нее так много, но он не внимал этим просьбам и сорил деньгами, стараясь купить невесте все, что могло ей понравиться.

Встреча с Мао Теном Ольгу потрясла. После длительной чайной церемонии в его исключительно красивом деревянном доме, отделанном резьбой, она спросила у старого китайца через переводчика:

– После операции врачи сказали Марку, что он будет ходить, а он не встает. Что делать?

– Нужен стресс, испуг, – ответил Мао Тен, – и он пойдет, даже побежит.

– И какой же стресс или испуг?

Старик, покачав головой, не ответил.

Тем временем у Ольги уже начал очерчиваться животик, впрочем, и за другими признаками беременности дело не стало. Ее рвало по утрам, она быстро уставала и была очень бледной, но Эдик, ослепленный любовью, ничего не замечал. Когда они уходили от Мао Тена, тот сказал Ольге:

– У вас будет девочка.

Услышав слова знаменитого врача, Эдик схватил Олю за руку:

– Что же ты молчала?!

– Я боялась твоей реакции, – спокойно ответила она.

Они вышли из большого дома Мао Тена и пошли вниз, к городу. Вдоль тропинки росли акации, какие-то необычные кустарники, высокие пионы. И все они так сильно пахли, что Ольге иногда приходилось останавливаться, чтобы отдышаться.

– Потрясающе пахнут пионы, я даже задыхаюсь. – Она в очередной раз остановилась. – Скажу тебе сразу: я твердо решила рожать, и тебя это ни к чему не обязывает.

– Дурочка! Любимая моя! Надо срочно сыграть свадьбу. – Эдик обнял Ольгу. – Я хочу свадьбу в Париже! Там есть ресторан – маленькая копия Версаля. Все будет, как в сказке. Димка приедет, все друзья. Ну в общем, человек тридцать-сорок наберем. Здорово!

От распирающих его чувств Эд подхватил невесту на руки и закружил на узкой тропинке между цветущих кустов.

– Теперь я тебя буду оберегать и баловать! Скорее летим в Москву регистрироваться, а затем в Париж – праздновать свадьбу!

– Хорошо, я согласна, но при одном условии: мы сыграем свадьбу, когда Марк начнет ходить, – неожиданно ответила Оля.

Эдик растерялся и промолчал. Ольга чмокнула его в щеку.

– Поставь меня, пожалуйста, а то у меня голова закружилась.

У Марка появилась чувствительность в гениталиях, и он уже обходился без памперсов. Это его сильно подбодрило, хотя быт все равно оставался для него адским трудом: помыться, побриться, одеться он мог только с помощью сиделки.

Эдик рассказал ему о предстоящей свадьбе.

Известию о свадьбе обрадовались все в доме, и особенно Эдит. Она начала подбирать платья себе и Ольге.

Девочке через месяц исполнялось двенадцать лет. Эдит была маленькой копией Бэллы, и, когда Эдик смотрел на дочь, его сердце сжимала боль утраты.

Было понятно, что, пока Марк остается в беспомощном состоянии, ни о какой нормальной, и уж тем более семейной, жизни в одном с ним доме думать не приходится.

После слов Мао Тена о стрессе, страхе и испуге Ольга не находила себе места,

стараясь придумать, как это можно осуществить.

Придумав сценарий эксперимента, она решила провести его в свое дежурство.

Эдик уехал в Париж договариваться о свадьбе. Перед отъездом он десять раз давал последние наставления:

– Оля, прекрати дежурить у Марка. Ты без пяти минут моя жена, а не сиделка. Он просто не хочет поправляться! Ему лень напрягаться. Через мои руки прошло много пациентов, и только те, кто поставил себе целью встать на ноги, смогли справиться с болезнью. А мы разбаловали Марка.

– Да, – Ольга поцеловала будущего мужа. – Мы его разбаловали, но мы его вылечим. Езжай, у тебя самолет через два часа.

Привычно поцеловав Ольгу, Эд в последнюю минуту смутился.

– Я пригласил на свадьбу Нинель.

– Может, не надо? – нерешительно сказала Оля. – Как-то нехорошо получается.

– Не могу отказаться. Она часть моей жизни. Мы справляем свадьбу в Париже, и она все равно узнает. Там очень узкий русский круг, и я буду чувствовать себя виноватым. Я люблю тебя, – прошептал он и добавил: – Ты ведь знаешь, что беременность вовсе не причина для свадьбы... Я, как все мужики, немного опоздал.

– Хорошо, любимый. Я знаю, тебе просто нужна подходящая мама для Эдит! – Ольга рассмеялась своим неповторимым звонким смехом.

Вечером после отъезда Эдика Ольга подготовилась к эксперименту – укоротила халат, ярко накрасилась, надушилась.

Перед тем как войти в комнату Марка, она перекрестилась и расстегнула две верхние пуговицы халата.

– Привет, Марк! – сказала она и села на стул сиделки, придвинув его вплотную к кровати.

– Угу, – промычал тот, не обращая на нее внимания, переключая телеканалы.

– Давай потрахемся! – грубо предложила молодая женщина и попыталась стянуть его одеяло.

Марк, вцепившись в одеяло, изумленно смотрел на медсестру.

– Ты же знаешь, что, если даже забыть про Эдика, я не по этой части.

Сбросив одеяло на пол, Оля достала наручники, быстро сомкнула их на запястьях рук Марка и приковала к постели. Следующим действием стало снятие трусов. Марк дрожал и скулил: «Не надо, не надо». Когда Ольга достала скальпель, Марк всхлипнул и замолчал.

– Не хочешь трахаться, – проговорила Ольга, – не надо. Тогда я с тобой сделаю то, что ты обычно делал с трупами.

Она сделала маленький надрез на бедре, в том месте, где было безопасно. Брызнула кровь, заливая постель.

– Нет, нет! – завопил Марк.

В это время в комнату вошла Эдит. Оля не ожидала такого поворота событий, быстро прикрыла Марка полотенцем.

– Почему он кричит? – испуганно спросила Эдит.

– Эдит, позови кого-нибудь! Сергея или Ксению! – крикнул Марк.

Девочка заплакала и убежала.

Оля быстро сняла наручники. Она спрятала скальпель и побежала успокаивать девочку.

– Мы пошутили, Эдит! Это игра такая!

– Правда? – недоверчиво спросила девочка. – А папа разрешил?

В коридор вышла испуганная Ксения.

– Что случилось?

– Я вам все объясню, но попозже, – торопливо сказала Ольга и быстро пошла по коридору к комнате Марка.

Марка в кровати не было. Ольга села на стул и радостно улыбнулась: «Значит, он встал и пошел!»

Действительно, Марк так испугался, что слетел с кровати и спрятался в стенном шкафу. Когда пришел в себя и понял, что сотворила с ним невеста его названного брата, у него началась истерика и он хохотал, вытирая слезы.

– Я пошел, я пошел! – выкрикивал он из шкафа.

Оля вскочила со стула.

– Ты где? Марк, милый, я не хотела сделать тебе ничего плохого, – говорила она, помогая бедолаге выбраться. – Мао Тен рекомендовал лечить тебя шоком.

Когда Эдик вернулся домой, у порога его встречали все домашние – Оля, Эдит, Ксения, Сергей и Марк, опирающийся на палку. Они специально не рассказали об исцелении Марка по телефону, готовя сюрприз.

Марк стоял! Наконец Эдик пришел в себя и кинулся всех обнимать с криком:

– Родные мои!

Последним он осторожно приобнял Марка.

– Я рад за тебя. Это лучший подарок к свадьбе.

– Она постаралась. – Марк засмеялся и кивнул в сторону Ольги. – Мы тебе расскажем о ее передовом методе – обхохочешься.

– Вот видишь, – гордо сказала Оля, когда прекратились бурные объятия. – Мое условие, при котором состоится свадьба, я сама и выполнила. Проходи, любимый, у нас ужин накрыт.

Глава 32

Пришло время свадьбы.

В ресторане, похожем на Версаль, сервировали столы на сто персон: фарфор с позолотой, серебряные столовые приборы, хрустальные бокалы – сверкающая роскошь.

Гости начали расселяться в отеле Central Paris Opera, окна которого выходили на Оперный театр. Прибывали новые гости. Все суетились, ходили друг к другу в номера, знакомились, встречали старых друзей и никак не могли уснуть.

Димка прилетел со всей семьей. Трехлетние близнецы – Гарик и Сэм – ни секунды не оставались на месте. Старший сын, Джоник, с любопытством разглядывал гостей и говорил то на русском, то на английском, иногда вставляя латышские слова. Он чувствовал себя членом семьи и деловито помогал Эдиту показывать гостям их номера, объяснять, где находится ресторан и как забронировать сейф для драгоценностей и подарков.

Осторожная Илзе внимательно присматривалась к гостям. Вечером, оставив на няню близнецов, она пришла в номер Ольги, страдающей от токсикоза. Илзе помогла ей советами, напоила настоями, снимающими тошноту. Наконец-то у Эдика появилась жена, с которой Илзе общалась с удовольствием.

Из Израиля прилетели Галина с Йосей и повзрослевшая Леночка. Димка гордился сестрой. Она была не только красавица, но и умница. Закончила Юридическую академию и теперь будет работать на его фирме. Галина с удивлением смотрела на Эдика, которого не видела больше десяти лет.

– Эдька, я помню, каким смешным пацаном ты был, носом хлюпал. Потом вытянулся, посерьезнел, за бабенькой, светлая ей память, ухаживал. А сейчас – глаз от тебя невозможно оторвать. Мне Димка показывал фотографии, но живую ты совсем красавец.

Расцеловав тетю Гаю, Эдик повел ее, Леночку и Йосю знакомиться с невестой.

В своем номере наслаждался обстановкой и свободой действий Марк. Расслабиться ему помогал Валентин.

А Эдик и Димка уединились в баре на первом этаже и болтали до трех часов ночи – вспоминали детство, юность, обсуждали сегодняшнюю обстановку на фирме.

Дмитрий опомнился первым.

– Эдик, у тебя завтра все-таки свадьба. Беги к невесте, одну ее оставлять нельзя. Она мне нравится, очень-очень. Такая живая, настоящая...

– Ах ты, паразит! На мою будущую жену засматриваешься? – пьяно смеялся Эдик.

– Нет, просто ты всегда был такой шлемазл, а в итоге...

– Нет, это ты был шлемазл! Короче, мы оба шлемазлы, зато успешные!

Они со смехом разошлись по номерам.

Оля спала, свернувшись калачиком. Эдик прилег рядом.

– Я сделаю все, чтобы ты была счастлива, моя девочка!

В разгар свадьбы к ресторану подъехал черный лимузин. Из него вышли две женщины, обе красивые, высокие, изысканно одетые. Это были Нинель и Жанет.

Нинель держала в руках маленький хрустальный ларчик, а Жанет, волосы которой уже отросли, – изумительный букет орхидей, перевязанный золотым бантом. Они подошли к

молодоженам.

– Это тебе, Эдик! Прими в знак прошлого, которое я никогда не забуду, – тихо сказала Нинель и открыла ларчик. В нем лежал большой медный ключ, выглядящий, как сувенирный.

– Что это? – спросил Эдик – Ключ от рая?

– Нет, это ключ от небольшого загородного дома. Ты всегда хотел иметь дом под Парижем. Помнишь, мы видели неплохой, в тридцати километрах от города?

Эдик не помнил никакого дома, но подарок его обрадовал. Он действительно хотел приобрести недвижимость во Франции.

Жанет тем временем подарила букет Ольге, поцеловала ее в щеку и сказала что-то по-французски.

Нинель перевела на английский.

– Она тебя поздравляет со свадьбой и беременностью. Ольга, можно мне пригласить твоего мужа на танец?

– Конечно, – приветливо ответила Ольга, стараясь улыбаться, а не сжимать зубы от ревности.

Эдуард закружил с Нинель в вальсе, прощаясь со своим прошлым...

Эпилог

Через полгода у Оли и Эдика родилась здоровая, красивая малышка, которую назвали Бэлла.

Реально оценив собственные способности в бизнесе, Марк решил отойти от дел, поручив свои акции Эду. Сам же он уехал с Валентином на Крит рисовать пейзажи.

Эдик отыскал маму Зину, которая сильно постарела и жила на грани нищеты. Он стал ей материально помогать, но встречаться с ней старался пореже.

Глядя на него, наладил связь с отцом и Димка.

Эдик и Дима стали богаты. Сбылась мечта их детства. Их корпорация «ЭДИМ» благодаря препарату для профилактики онкологических заболеваний стала известна во всем мире.

Чтобы ни случилось у них в жизни, всегда побеждала дружба и преданность друг другу.